

18+

Мария Эмви

Рейвенкрофт

Страж вороньего поместья

Мария Эмви

**Рейвенкрофт. Страж
вороньего поместья**

«Издательские решения»

Эмви М.

Рейвенкрофт. Страж вороньего поместья / М. Эмви —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Колдри Рейвенкрофт, променявший право
на перерождение на должность загробного Стража, вынужден прервать свое
бестелесное дежурство. Из Парижа приходят пугающие вести: в преддверии
революции все чаще стали пропадать люди, а в подземных катакомбах находят
следы деятельности фанатичного культа. Совет Жнецов, не желая повторения
ситуации с механизмом, нарушающим границы мироздания, идет на сделку.
Колдри получает возможность снова вернуться на физический план, но его
бесценное время идет на часы.

© Эмви М.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	32
Глава пятая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рейвенкрофт. Страж вороньего поместья

Мария Эмви

© Мария Эмви, 2026

ISBN 978-5-0071-2009-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

*В которой выясняется, что работать на Смерть не так нервно, нежели на банкиров...
но это не точно*

Если бы меня попросили рассказать, как начинается самый обычный день у Стража Узла, это бы загнало меня в экзистенциальный кризис, так как очевидного ответа на этот вопрос у меня нет. Что точно можно сказать, день мой явно не начинался с восхода солнца. Оно, конечно, где-то там встает, ползет себе над Лионом, бьется лучами в грязные стекла лавок и в золотые пылинки над Роной, но до меня это доходит уже в переработанном виде. В легком холоде камня в подвале одного поместья, в изменении «шума» города, и в том, как Поток душ меняет тональность. Да-да, у Потока есть своя тональность. Об этом в семинарии вам не расскажут, но мне-то уж можно верить: я, между прочим, официально оформлен на службе у Смерти.

Когда-то я был владельцем крупнейшего в Европе завода автоматов, теперь же я был владельцем... очень странного вида ответственности. И если раньше основную часть моего дня составляли трудовые договоры, векселя и Огюст, который косился на каждую лишнюю копейку в счетах, то сейчас это все заменили Переход, сердцевинный механизм, куда я добровольно запихнул остатки своей души, и периодически присматривающий за моей «работой» Жнец. Не уточняйте, у кого из них жестче отчетность. Я все еще размышляю над этим вопросом.

Но вернемся к той самой тональности. Сначала, соприкасаясь с Поток, вы чувствуете шорох, как от воды, текущей через множество маленьких камней. Это идут «обычные» души — те, кто пришли вовремя, после прилично прожитой жизни, иногда с парой некрупных грехов, иногда с парой поздних раскаяний. Они тихо льются по своим руслам, им не до меня, да и мне не особо до них. Я лишь ненавязчиво отмечаю: «с транзитом полный порядок, никто не застревает». Потом начинаются редкие всплески, как после крупных камней, сорвавшихся с берега на поверхность воды. Это душа цепляется за что попало: за дом, за свое тело, за какой-то предмет или данное обещание. Мое дело в этой ситуации посмотреть, можно ли ее мягко отлепить и отправить дальше, не вызвав дисбаланса в Переходе. Примерно таким образом и начался мой сегодняшний день.

Это был маленький ребенок. Печальный, но обычный для нашего века случай, который старухи на рынке комментируют вздохом: «Бог дал, Бог взял». Мальчик лет пяти с трудом дышал уже давно. Врач в квартале шепнул, что это «слабость груди», и лишь развел руками. Мать ночами молилась и шила белье для чужих детей. Отец... ну, его я в Потоке не заметил. Может, ушел раньше, может, сбежал раньше — люди иногда исходят из обоих вариантов. Мальчик держал в руках маленького механического воробья. Его я делал на заре своей изобретательской глупости, еще до создания более продуманной модели, своего ворона, когда считал, что если научу железку махать крыльями, то все станут чуть счастливее. Воробей попал к этой семье от какого-то добросердечного торговца, которому «старое чудо» больше не было нужно, а выбросить стало жалко. Сейчас этот воробей стал связью с миром живых. Я видел, как душе ребенка, только-только отделившейся от измотанного тела, очень хочется за что-то ухватиться. И ближайшее, самое знакомое — металлический воробей на подоконнике, отражающий в своих маленьких глазках последний утренний свет. Если позволить душе привязаться, она могла застрять здесь надолго. Я видел таких в прошлые недели: бормочущие, заикливые, обвивающие любимую вещь, не слышащие ни молитвы живых, ни сетование Жнецов.

Я скользнул ближе. Мой «взгляд» теперь был не глазами, а скорее, точкой присутствия. Я чувствовал сейчас холод стекла, шероховатость дерева, и легкую теплую искру там, где висело чье-то детское «я».

— Эй, — сказал я, хотя слова в Потоке были абсолютно условны. — Пойдем. Там тебе будет легче дышать.

Душа дернулась, но воробья не отпустила. Мне оставалось лишь терпеливо продолжать. Никогда не думал, что мои навыки убеждения, отточенные на переговорах с поставщиками, пригодятся здесь.

— Знаешь, что делает эта штука? — я мысленно указал на механическую птицу. — Повторяет то, что видела и слышала. Но она не сможет пойти с тобой, этот птенец не обучен ходить по воде.

Представить Поток как воду было значительным упрощением, но юным душам проще объяснить именно так.

— Твоя мама потом будет смотреть на этого воробушка и вспоминать тебя. А если ты тут застрянешь, ей станет только хуже. Она будет шить и плакать каждый раз, когда скрипнут детали в этом механизме.

Душа едва заметно дрогнула. Зависшая между завихрением Потока и тусклым отблеском пружины автомата, она страдала.

— Там, дальше, есть те, кто умеют делать эту боль меньше, — продолжал я. — Они не хуже меня убеждают, честное слово.

Легкий смешок Мортье раздался где-то позади — ну да, продаю их услуги ребенку, а что поделать? В конце концов искорка наконец отпустила механического воробья, и он мягко опустился в сияющее ничто, постепенно растворяясь в пространстве. Душа же медленно пошла по течению, не в мою сторону, а туда, где мои полномочия заканчиваются, а работа Жнецов только начинается. Я проводил ребенка взглядом и только потом позволил себе посмотреть в сторону — передо мной открывалась картина того, что сейчас происходило с этой вещью, которая была так дорога для души. Я видел комнату ребенка и ту самую птичку, сидящую на подоконнике. Стекланные глаза смотрели в пустоту. Я мысленно задержался на воробье, и крошечный механизм внутри него щелкнул. Пружина, отдавшая, казалось бы, уже все, ожила. Птица медленно качнула головой, раз, другой. Потом махнула крыльями и, чуть дребезжа, соскочила с подоконника на стол. Вернувшись к своей работе мать ребенка вздрогнет, увидев это, перекрестится и скажет соседке, что «это он пришел попрощаться». Ей будет чуть легче. Самую малость, но будет. К сожалению, это был мой максимум.

— Опять тратите ресурс на эмоции, — голос Мортье легкой льдинкой коснулся края Потока. — Как-будто вам платят за это.

— Мне, на минуточку, вообще ни за что не платят, — отозвался я. — Даже кофе не выдают.

Жнец лишь смешно фыркнул в ответ. А я отправился на «перекур» в место, которое для меня сейчас было более широким понятием, чем просто «дом». Как только я возвращаюсь в подвал поместья Шато Рейвенкрофт, то ощущаю сразу все, что связано с моим узлом. Стены, землю в саду, тронутые ржавчиной трубы, скрипучие доски на лестнице, даже старую трещину на той ступени, о которую я однажды чуть не свернул себе шею, будучи еще не в меру живым идиотом. Сердцевинный механизм — мой дом и моя тюрьма. Теперь он почти не похож на ту опасную «ловушку для душ», какой был, когда его использовали мои родители и потом пытался использовать Орден. После ритуала, когда я добровольно отдал ему свою человеческую часть, он стал... спокойнее, что ли. Свет внутри больше не рвался наружу, вибрация стала мягкая, устойчивая, как дыхание спящего зверя, которого, на всякий случай, держат на цепи. И эта цепь — я сам.

— Не жалуетесь? — спросил Мортье, появляясь рядом в своем привычном облике красивого и статного мужчины средних лет. Иногда он меняет костюмы, но выражение лица у него было стабильной смесью вековой усталости и веселого цинизма.

— С тех пор как я перестал подписывать векселя Делорма, моя шкала жалоб заметно сместилась, — ответил я. — Теперь «работать на Смерть» кажется разумным карьерным ростом для меня.

— Вот видите. А я говорил, у нас лучшие условия на рынке.

Жнец подошел к сердцевине и положил ладонь на ее металлический обод. Его рука чуть светилась в моем восприятии, как отпечаток в воде.

— Все чисто, — с некоторой долей уважения в голосе, насколько вообще на это способен Мортье, констатировал он. — За это спасибо.

— Да не за что. Я теперь как домработница в собственном же доме. Хожу с тряпками в вытираю, если что-то прольется не туда.

Мортье скользнул взглядом по подвалу.

— Жаль, что никто, кроме вас и мадемуазель Лоран, не понимает, сколько работы стоит за тем, что не происходит ничего выходящего за рамки.

— О, поверьте, это проклятие всех хороших инженеров. Когда все работает, всем кажется, что так и должно быть.

Жнец утробно рассмеялся. Мы оба знаем, что Баланс любит незаметность. Пока все «просто идет своим чередом», люди к нему не лезут.

Днем дом для меня, как тело. Я чувствую, в каком месте Огюст ругается на Пьера за пыль под лестницей, где повар опять пытается спрятать от Сангрии покупку вина, где в одной из пустующих комнат мыши свили гнездо в старом ящике с бумагами. Но главное для меня, это мастерская. Шумная, пахнущая маслом, мукой и кофе. Там работают люди, которым Сангрия доверяет. Но которым все еще не до конца могу довериться я.

Мое внимание привлек негромкий стук. В одном из боковых цехов молодой мастер (как там его, Жюль? Жан?), возился над чем-то, что называл «улучшенными защитными устройствами». На бумагах это выглядело как невинные сигнальные часы: если кто-то, например, влезает в склад, они начинают звенеть. Ну, полезно, казалось бы. Я «спустился» туда, сквозь доски и через трубы — мой Путь в пределах узла давно был протерт до автоматизма. Жюль (пожалуй, остановлюсь на этом варианте) стоял над столом, язык его был прикушен от напряжения, а брови сведены домиком. На столе лежала заготовка: круглый корпус, внутри которого шестеренки, пружины... а еще нечто, что заставило меня ощутить неприятный холодок.

Продолговатый кристалл, помеченный на полях как «энергетический элемент».

— Откуда у тебя это, мальчик? — подумал я вслух, хотя он меня и не слышал. Я узнал структуру. Не сам кристалл, тот был проще, чем наша сердцевина. Но принципы были те же: попытка зацепить не только механическую энергию, но и то, что рядом с ней. Жюль, впрочем, понятия об этом не имел. Для него это был просто красивый и дорогой кусочек стекла, привезенный каким-то торговцем. «Лучше держит заряд», говорили они. Ага, держит. Особенно если рядом кто-то умирает.

Я почувствовал, как Поток едва заметно дрогнул. Небольшое количество «эха» от недавнего перехода душ еще витало в воздухе квартала. Кристалл, лежащий в ладони Жюля, отреагировал на это. Едва заметно, но я это увидел.

— Нет, — строго скомандовал я. — Не сейчас.

Сквозь окно проскользнул ветер. Я собрал его, сконцентрировал в одной точке и направил на стол. Лист чертежей дрогнул и съехал в сторону, накрыв кристалл. Жюль чертыхнулся, поправляя бумаги.

— Чертов сквозняк! — пробормотал парнишка. — Надо сказать мадемуазель Лоран, что окна снова продувает...

Он снова взял кристалл, собираясь вставить его в сердцевину устройства. Вибрация Потока усилилась, совсем чуть-чуть, но этого было достаточно, чтобы я ощутил, как по моей собственной связи с сердцевинкой прошел неприятный отклик. Так-с, хорошо. Играть с бума-

гами не помогает, перейдем к тяжелой артиллерии! На стене рядом висела лампа. Старинная, с не самым надежным креплением, которую я еще при жизни то и дело клялся заменить. Видимо, руки так и не дошли. Теперь она, наконец-то, пригодилась. Я сосредоточился, вся моя «мощь» Стража была не так уж велика в физическом мире, но с тем, что уже и так шатко, я справляюсь хорошо. Болт, державший лампу, знатно проржавел, я всего лишь дал ему пренебрежительно легкий толчок.

Лампа тут же рухнула. Грохот, осколки, струи масла! Жюль отскочил, выронив кристалл, тот отлетел в сторону, стукнулся об пол и треснул. Искра внутри моментально погасла.

— Твою ж мать... — тихо выругался он, прижимаясь к стене. — Что это было такое?

— Кхм. Профилактика, — едва сдерживая улыбку, отозвался я. Жюль оглядел себя: жив-здоров, не обгорел. Юноша вздохнул с облегчением, но потом грустно цокнул языком.

— Теперь Огюст будет орать, — грустно протянул он, после чего достал кристалл, увидел трещину и еще больше скривился. — Еще и камню конец! Что ж... может, оно и к лучшему. Кто вообще знает, что в нем было?

Вот так вот. Иногда, чтобы люди не полезли в опасные места, им достаточно легкого намека на то, что «это будет слишком хлопотно».

— Опять? — услышал я у себя за «спиной». Мортье возник в мастерской, не замечаемый никем из живых. — Вы постепенно превращаетесь в лучшего противника свечных лавок и торговцев треснувшим стеклом, Колдри.

— Ну вы сами же хотели, чтобы никто не повторял сердцевину? — пожал плечами я. — Делаю скидки по вашей программе, мсье Мортье. Можете не благодарить.

Жнец посмотрел на треснувший кристалл.

— Еще немного, и вас начнут считать святым покровителем неудачных экспериментов. Не уверен, что это та слава, о которой вы мечтали.

— В моем положении мечтать о славе — признак окончательного безумия! — со смешком заметил я. — Когда другие надеются, чтобы им хотя бы доска на голову не упала, я всего лишь мечтаю о стабильности.

Стабильность... а знаете, забавное слово. При жизни я считал, что стабильность — это полный склад, молчащие кредиторы и ни одного нового пожара в экспериментальном цехе. Теперь это, когда Поток течет ровно, в доме все спокойно и кристалл в сердцевинном механизме не зовет никого лишнего. А еще, когда вечером в подвал спускается *она*.

Годы не сделали Сангрию менее решительной, разве что чуть глубже легли тени под ее глазами. В работе с мастерами она была строгой и мягкой одновременно, а вот людям, периодически приезжающим «от короны», предоставлялась уникальная возможность познакомиться с ее язвительной стороной. Но такой очаровательной.

Сангрия все еще стучит в дверь подвала, хотя прекрасно знает, что ей никто не ответит. Впрочем, когда это ее останавливало...

— Глупая привычка, — однажды сказала она, присаживаясь за стол возле сердцевинного механизма. — Но, по-моему, даже мертвые имеют право знать, что к ним кто-то пришел.

Сегодня Сангрия спустилась в подвал с лампой в руке, с блокнотом под мышкой и с тем видом, который я называю «сейчас буду ругаться на вселенную, но вам, мсье Рейвенкрофт, достанется меньше всех».

— Ну здравствуйте, — произнесла она, опускаясь на ящик напротив. — Вы ведь тут?

Я легко сдвинул тонкий слой пыли на полке. Наш условный знак.

— Отлично, — улыбнувшись, кивнула Сангрия. — У меня к вам небольшой доклад.

Она рассказывала про то, как вежливо отказала новым заказчикам из мэрии в идее «записывающего всех, кто входит в город» механизма. Про то, как Жюль чуть не устроил повторение спектакля с сердцевиной, и как внезапно «все рухнуло, и он решил, что это знак свыше». Про то, как Баптист, в очередной раз проиграв спор о геометрии шестеренок, буркнул: «Ваш

покойный хозяин был бы сейчас горд. Или обзавидовался бы». Я внимательно слушал, словно человек, который утратил возможность присутствовать, но не утратил ко всему этому интереса. Иногда отвечал Сангрии тихими знаками, едва слышным «тинь» от настольного механизма.

— Вы знаете, — сказала она в какой-то момент, посмотрев на сердцевину, — иногда мне кажется, что за все это время вы уже давно со всем смирились. А иногда, что вы тихо копите злость на тех, кто так и намеревается протянуть свои руки в область ваших интересов.

«И то, и другое», — подумал я, после чего дал сердцевине чуть усиленный импульс. Свет внутри на миг стал ярче, и Сангрия облегченно вздохнула.

— Ладно, принимаю это за «я все еще в деле». Потому что у меня есть еще новости, — девушка похлопала по карману. — Письмо из Парижа.

Сангрия рассказала про письмо де Бресса. Пока я пытался вспомнить, как вообще выглядел этот человек, из-за своего перенасыщенного визуального шума, практически упустил всю суть содержимого. Понял только то, что речь шла о неких катастрофах на мануфактурах, митингующих толпах Парижа, и о каком-то таинственном «чуде» в катакомбах.

— Я не знаю, что там происходит, — продолжила девушка. — Но все мое нутро твердит об одном: кто-то снова лезет туда, куда его не просили.

Я вспомнил, как совсем недавно на другом конце Перехода, далеко за пределами моего узла, что-то дернуло, как если бы кто-то проложил неумелый шов на ткани, и он начал рваться по краям. Я ощутил тогда резкий перелив напряжения. Души, которые должны были мягко стекать вниз, вдруг начали закручиваться в спираль. А потом все резко прекратилось, словно ничего и не было. Еще тогда мне это показалось странным. А после слов Сангрии, я практически уверовал в эту странность. Стало быть, даже моя нынешняя деятельность не имеет под собой уверенного фундамента. Пока что я лишь силюсь удержать баланс, можно сказать, работал в загробной пожарной охране и успокаивал себя тем, что хуже, чем быть наследником завода, погрязшего в долгах, сплетнях и крови, уже не будет. О, как же я ошибался.

— Вы, как всегда, недооцениваете потенциал вселенной по части ухудшения ситуации, — назидательно произнес Мортье. Я и не заметил, как он материализовался. Хотя понятие «материализовался» ему не особо соответствовало. Пространство рядом в какой-то момент просто отказалось быть пустым и заполнилось им, как стакан наполняется водой. Вот только это было представление лишь для меня одного, Сангрия сейчас Мортье не видела. Возможно, к счастью.

— Вы же сами уверяли, что хуже Ордена никого нет, — напомнил я. — А теперь выясняется, что есть целый Париж, который, судя по письму капитана, решил с ним посоревноваться.

— Орден Святого Молота — частный случай, — отмахнулся Жнец. — Я говорил про категорию «банкиры». А вот категория «революция, замешанная на использовании сердцевинного механизма», это уже совсем иной уровень.

— Будете сейчас радостно потирать руки?

— Зачем же? Я потираю руки только тогда, когда холодно. А сейчас мне весьма жарко, — возразил Мортье, всматриваясь в свет сердцевинного механизма. — Поток на севере действительно завихрился, и не из-за чумы или войны. Там кто-то копается в материи так же небрежно, как вы когда-то копались в своих контрактах.

— То есть подписывает не читая? — уточнил я. — Прелестно.

Мортье на секунду замолчал.

— Мы пока не совсем понимаем, что именно там используют. Но точно известно одно: к этому узлу уже протянута ниточка от твоей сердцевины.

Это «мы» заставило меня знатно поднапрячься. Такую формулировку от Мортье я слышал довольно редко, и все потому, что под ней понимался Совет Жнецов. А если Совет Жнецов что-то «не совсем понимает», то это значит, у проблемы масштаб плюс-минус глобального порядка.

— Прошу прощения, но я никуда ничего не протягивал.

— Это сделали не вы и не мадемуазель Лоран, — Жнец покачал головой. — Это проделки самой структуры. Дыра в пространстве, которую проделали Орден и ваши родители — заживающая рана, но шрама никто не отменял. И вот по краю этого шрама пошла новая трещина.

В обычных условиях я бы уже отмахнулся от подобной метафизики. Но после того, как однажды шагнешь в кристалл и останешься частью шва, аргументов против становится существенно меньше.

— И чего вы от меня хотите? — спросил я, понимая, что все эти намеки ведут к ненавязчивой мысли: «пора тебе разгрести еще одну корзину грязного белья, Колдри Рейвенкрофт». — Я и так тут как штопка в старом чулке, держу все, чтобы окончательно не разъехалось.

— В идеале? — спросил Жнец, иронично взглянув на нервно дернувшийся свет сердцевины.

— В идеале вы перестанете говорить загадками.

— Ладно-ладно. На самом деле, я хотел бы иметь агента, который может действовать там, где у меня нет полномочий. В мире живых. Вполне живым образом, — Мортье слегка усмехнулся. — И желательно, чтобы этот агент умел отличать шестеренку от души, а революционный памфлет от посмертного приговора.

— То есть вы ищете идиота.

— Нет, я ищу вас, Колдри.

Я замолчал. Когда Смерть смотрит на тебя как начальник на подчиненного, которого собирается повесить или уволить, это, скажу я вам, ощущение не из приятных.

— Давайте начнем с очевидного, — осторожно произнес я. — Вы же не собираетесь предложить мне еще один контракт в духе: «Стань демоном, вернись на физический план и заberi какую-нибудь душу, а потом мы тебя уже окончательно аннигилируем»?

— Нет, вы уже достаточно отдали. Баланс считает вашу первую сделку закрытой... с переплатой. Именно поэтому у нас и есть возможность говорить об исключении.

— Вы пугающе часто используете слово «исключение»! Обычно такое заканчивается плохо.

— Все заканчивается плохо, — философски заметил Мортье, затем добавив: — Если судить вашими категориями.

Сердцевина чуть дрогнула, мне вдруг стало тесно даже в моем нематериальном состоянии. Обычно Жнец быстро бросает фразы, как карты на стол, а сейчас он тщательно подбирал слова.

— Вы знаете, что Стражи, вроде вас, привязаны к определенному месту, — произнес наконец Мортье, — Вы — узлы, без вас Переход начинает течь, куда попало. Но... вы не обязаны вечно висеть в одной точке.

— Да и слава всем Богам, — вырвалось у меня. — А то я уже начал было думать, что буду вечно слушать, как Жюль ругается на сквозняки.

Жнец слегка улыбнулся.

— Иногда Стражи расширяются, их узлы начинают перекрываться. Они видят дальше лишь одной трещины. Вы уже начали это чувствовать, не так ли? — в очередной раз выдержав театральную паузу, он продолжил: — И иногда, в особых случаях, Поток допускает, чтобы часть Стража вернулась в мир, в физическом теле. Но лишь на определенное время и только с учетом трех условий: его место кто-то сможет подстраховать, задача требует именно такого вмешательства, и цена будет... достойной.

— Уже интересно, — сказал я без особого энтузиазма. — Вопрос лишь в том, кто из нас двоих сейчас более безумен — вы, что предлагаете такое, или я, что покорно слушаю и даже отчасти пытаюсь верить?

— Думаю, здесь ничья.

Если бы у меня по-прежнему было сердце, оно, возможно, сейчас бы пропустило удар. Вместо этого легкая дрожь прошла по сердцевине. Кристалл отозвался, как если бы кто-то бросил в воду легкий камешек. Я представил себя снова в теле. Не в виде того демонического «сгустка», а в настоящем, теплом и уязвимом. Я бы снова смог ходить по городу, касаться вещей, чувствовать запахи не только как часть Потока, а как обычный живой человек. Смог бы...

Так, стоп.

— Ха-ха, это все, конечно, здорово, но где я, по-вашему, возьму тело? Не думаю, что в морге Лиона лежит подходящий «покойный Колдри Рейвенкрофт», которого забыли похоронить.

— Покойный Колдри Рейвенкрофт уже давно кормит землю, — согласно кивнул Мортье. — И возвращать его разлагающуюся оболочку я бы не стал даже ради развлечения. Но вы же знаете, здесь, в этом поместье, кое-кто уже строил мосты между душой и материей.

Я скосил взгляд на полку с аккуратно запыленными тубусами, возле которых сейчас крутилась Сангрия, что-то бормоча себе под нос и протирая деревянную поверхность тряпкой.

— Отец, конечно же, — вздохнул я. — И его ненаписанный трактат «Как сделать так, чтобы сыну было максимально сложно просто так взять и умереть».

— Ваш отец еще тогда начинал мыслить в сторону «обратного вектора». Он понял, что если можно записать эхо в механизм, то теоретически можно и вывести его обратно. Но Альберту Рейвенкрофту хватило ума остановиться. Это ваше поколение уже более... отчаянное.

— Как приятно быть частью прогрессивной молодежи, — иронично пробормотал я. — Значит, вы хотите, чтобы мы доделали то, что мои родители не рискнули довести до конца?

— Я хочу, чтобы вы увидели, что происходит в других узлах не только через Поток, но и собственными глазами. И помогли нам решить, как с этим быть. Как вы понимаете, выгода будет в обе стороны. Я ведь знаю, как для вас важен хотя бы один земной год, проведенный на физическом плане.

Я промолчал. Есть вещи, которые даже со Жнецом обсуждать сложно.

— И как вы себе это представляете? — спросил я наконец. — Я не могу бросить этот Узел. Если я исчезну, поместье снова станет приглашением для кое-каких отмороzków с молотками.

— Вы и не исчезнете, — покачал головой Мортье. — Часть вас останется здесь, а часть будет в сосуде, связанная через сердцевину.

— Хотите растянуть меня между мирами, как сыр в бутерброде?

— Привыкайте к многофункциональности, Колдри. Вы ведь знаете, что уже давно покинули категорию «простые случаи».

До этого момента весь разговор был скорее теоретическим. Неприятные последствия чужой человеческой гениальности. А вот уже следующие слова полностью изменили тон беседы.

— Но мы оба не можем ничего решать, не согласовав это с ней.

— С кем, с вашей совестью? — усмехнулся я, и тут же осекся, когда взгляд Мортье переместился на девушку, которая спешно поднималась по лестнице и ругалась, слышав какой-то грохот наверху.

— С той, кто теперь распоряжается этим домом лучше, чем вы когда-либо.

Я замолчал, поэтому Жнецу предстояло самому продолжить свой монолог:

— Я уже видел, что бывает, когда вы принимаете решения в одиночку. Второй такой роскоши вам никто не даст.

Несправедливо. Но верно.

— Сангрия... слишком много пережила, — тихо произнес я. — Может быть, правильное будет не тащить ее в вашу очередную безумную идею?

— Или правильнее будет не решать за мадемуазель Лоран, что для нее слишком? — с хитрым прищуром спросил Мортье, явно указывая на то, что девушка действительно не любила, и когда-то мне то и дело напоминала об этом факте. Оценив то, как поблек свет сердцевины, Жнец вздохнул, и отошел в сторону, задумчиво глядя на свое отсутствующее отражение в висящем напротив зеркале. — Колдри, я знаю, насколько она вам дорога. Но доверяете ли вы мадемуазель Лоран настолько, чтобы оставить за ней половину ответственности за вашу судьбу?

Я грустно усмехнулся. Уже давно оставил, какие могут быть вопросы. Через время Сангрия снова вернулась в подвал, чтобы продолжить уборку. Между делом, она обернулась и через плечо бросила, обращаясь к сердцевинному механизму:

— Вы опять что-то натворили, Колдри? Что ни день, то события. То у Жюля треснула лампа, то у повара хлеб сгорел, а теперь Огюст клянется, что слышал, как в пустой комнате кто-то сыграл гармонию на пианино. Внимательно слушаю ваши оправдания, но, пожалуйста, оставьте мне хотя бы иллюзию, что у меня будет возможность с вами поспорить.

— Не иллюзию, — вмешался Мортье, выходя из тени. — А настоящую возможность.

Жнец сел в материализовавшееся возле него кресло, как будто подвал внезапно стал его личным кабинетом. Сангрия с подозрением прищурилась. Не то чтобы ее можно было удивить явлением Смерти в этот дом, после всего пережитого, но и с хлебом-солью девушка его явно встречать не планировала.

— Так и знала, что вся эта история с Парижем и всей происходящей чертовщиной связана с вами двумя, — вздохнув, ответила девушка, — Предупреждаю сразу: я не особо люблю большие города, а революции — еще меньше.

— Париж у нас действительно на повестке дня. Но есть и другие нюансы, которые, возможно, вас заинтересуют.

Мортье все рассказал Сангрии, без приукрашек и без «для ее же блага». Просто и честно: о новом Узле, завихрениях Потока, недоумевающем Совете Жнецов и об исключительном предложении для одного Стража. Я чувствовал, как с каждым его словом в девушке сталкиваются два состояния: радость от самого факта, что кто-то всерьез говорит о моем возможном возвращении, и страх перед тем, что за ним стоит.

— И вы... — наконец произнесла она, глядя не на Мортье, а прямо в сердцевину, — согласились?

— Мсье Колдри делегировал решение этой непростой задачи вам, — ухмыльнулся Жнец, а мне до звона во всем моем нутре сейчас захотелось запустить в него чем-то тяжелым. Почувствовав мой ментальный посыл, Мортье сменил выражение лица на более серьезное и добавил: — Но он не уверен, что вы должны платить эту цену вместе с ним.

Сангрия закрыла глаза на миг и вдохнула глубже. Потом открыла и посмотрела на Жнеца.

— Вы сказали, что исключение возможно только, если есть «крайняя необходимость». Что ж, для вашего Потока это имеет место быть, не так ли? А для меня крайняя необходимость — перестать жить в состоянии полупрощания.

Мне было очень грустно это слышать. На самом деле, все эти прошедшие три года я день ото дня искренне надеялся, что Сангрия перестанет воспринимать меня настолько серьезно. Да, мне бы было невероятно тяжело, если бы в какой-то момент она просто перестала бы спускаться в подвал и рассказывать мне о том, как прошел ее день. Но не меньший груз ответственности я ощущал из-за того, что Сангрия буквально ставила крест на собственной жизни, не подпускала к себе никого, все свое внимание посвящая какому-то мерцающему подвальному свету, который за все это время даже слова не проронил в ответ. Это явно не та жизнь, которую заслуживала эта девушка. Мне так сейчас хотелось сказать, что она может устроить себе нормальную жизнь и без моих воплощений. Что у нее есть мастерская, ценящие ее люди, возможно, кто-то живой, кто смог бы...

Сангрия вдруг вскинула ладонь.

— Более чем уверена, Колдри сейчас думает о том, что мне лучше во все это не лезть и вообще «найти нормального живого мужчину», — ровно, как армейский генерал, отчеканила девушка, — Попрошу Жнеца оформить на вас дополнительную статью вины.

— Совсем вы его не щадите, мадемуазель, — улыбнулся Мортье, покосившись в сторону кристалла. — Стало быть, вы согласны на эту авантюру?

— Да, если вы оба будете честны со мной до конца, — ответила Сангрия, голос ее звучал уверенно, а вот руки уже заметно начали дрожать. — Вы, мсье Жнец, не попытаетесь в последний момент изменить условия, а Колдри не решит снова совершить геройскую глупость в одиночку.

— Это обязывает, — хмыкнул Мортье. — Меня к соблюдению договора, а его — к отсутствию самостоятельности. Тогда, мадемуазель, я должен сообщить вам план действий. С вашей стороны, это поиск возможности для мсье Колдри вернуться на физический план. Дам подсказку: эту информацию вы сможете отыскать где-то в поместье, возможно, в документах его отца, до которых ваш зоркий глаз еще не успел дотянуться. Со своей же стороны обещаю, что мы прикроем все «юридические» нюансы этого возвращения, исключительную возможность для Стража Лиона вынесем на обсуждение уже на следующем собрании Совета Жнецов. Можете уже начинать строить мосты.

И Жнец исчез, как у него водится, без какого-либо прощания: пространство снова стало пустым, но казалось уже другим. Более тяжелым от принятого решения. Сангрия осталась сидеть, глядя на сердцевину.

— Ну вот, — сказала она, грустно улыбнувшись. — Мы с вами опять лезем туда, куда нас не просили.

Сердцевинный механизм тихо откликнулся ей светом.

— Ладно, — подскочив с ящика, Сангрия шумно выдохнула. — Надо будет отправить весточку Баптисту. Скажу ему, что нам нужно найти удочку и наживку для одного чрезвычайно упрямого Стража, чтобы как-то выловить его из Потока.

Уже у двери, ненадолго задержавшись, девушка обернулась.

— И да, мсье Рейвенкрофт. Даже не думайте, что у вас будет время пожалеть о своем решении. Я собираюсь использовать предоставленную возможность по полной.

«Рассчитываю на это», — с улыбкой ответил я, когда дверь за Сангрией мягко закрылась. Надо же, уже и не вспомню, когда я последний раз ощущал не ответственность и тяжесть Потока на своих «плечах», а что-то иное. Предвкушение жизни. Смерть, конечно, как работодатель, так себе, но перспектива ненадолго вернуться в отдел «живых» внезапно показалась мне вполне достойной премией за переработку.

Глава вторая

В которой меня впервые зовут на планерку загробного масштаба и я понимаю, что заседания совета директоров были лишь детским утренником

Существуют разные способы вытолкнуть человека за границы его привычного мирка. Когда я впервые познакомился с Жнецом, это был выстрел в голову. Громкий, решительный, с запахом пороха и крови, за которым последовал резкий обрыв. Когда же Мортье сопровождал меня на собрание Совета Жнецов, все было наоборот: тихо и мирно, без лишней драмы. Но для меня это в очередной раз ощущалось, как событие, способное перевернуть мою жизнь с ног на голову. Ну, или обратно, я уже не вел счета тому, в каком состоянии она на данный момент пребывала. Слишком уж часто для меня все вертелось самым непредсказуемым образом.

Это случилось ночью того же дня. Поместье жило свою спокойную жизнь: Огюст звучно храпел в своей комнате, Пьер бормотал что-то во сне, вороны во дворе шуршали перьями, пытаясь найти более удобную ветку. Сердцевинный механизм в подвале тихим тиканьем напоминал о моих обязанностях. Я как раз проверял границы Узла — звучит пафосно, а на деле это примерно как обход дома перед сном. Важно убедиться, что ни одна трещина не расширилась, никакая душа не зацепилась за собственную память и никакой идиот из очередной псевдонаучной лавки не притащил в квартал новую игрушку, к которой Поток мог начать цепляться. Все было, на редкость, мирно. И это чертовски настораживало. Только я посмел подумать, что Мортье бы сейчас мне зачитал лекцию о том, что я слишком подозрителен даже к порядку, как он собственной персоной возник позади меня, выходя из тени. Так, как умел только он: сделав окружающий мрак чуть более информативным.

Сегодня Жнец был в черном сюртуке строго покроя, чуть старомодном даже по моим меркам. Для живых он оставался невидим, но, похоже, Мортье уважал традицию одеваться прилично на серьезные собрания, даже если их участники давно перестали нуждаться в таком понятии, как «одежда».

— Хорошие новости. Вернее, просто новости, а то опять начнете придираться к словам, — задумчиво поправив манжет, произнес Жнец. — Мне удалось обнаружить источник энергии, который вызвал этот резонанс в Потоке. Он действительно в Париже, и, как и предполагалось, находится под землей. В месте, где люди давно привыкли складывать мертвых в аккуратные ряды и называть это порядком.

Катакомбы, что ли? Я слышал о них еще при жизни: тоннели, выложенные костями, куда приходили повеселиться студенты и помолиться те, у кого накопилось слишком много грехов.

— «Удалось обнаружить», это, конечно, громко сказано, — продолжил Мортье, посмотрев в мою сторону. — Просто с этим местом оказался связан один мой коллега. Это, пожалуй, тоже надо будет обсудить на собрании... вы как, готовы отправляться?

— Вы серьезно хотите, чтобы я присутствовал на собрании Совета Жнецов? — на всякий случай уточнил я. — Впервые за все эти годы?

Жнец уверенно кивнул.

— Совет будет обсуждать и вас. Возможно, даже в первую очередь.

— Просто я думал, заседания высшей загробной инстанции — не проходной двор какой-то, куда может попасть любой желающий. У вас же есть внутренний регламент против присутствия смертных.

— Колдри, не хочу вас огорчать, но вы уже давно перестали быть простым смертным, — ответил Мортье, после чего пожал плечами: — К несчастью и к счастью. Не бойтесь так, это всего лишь совещание.

— Угу, — нервно усмехнулся я. — Последний раз, когда мне говорили «это всего лишь совещание», я через полгода выстрелил себе в голову. Но раз уж вы так настойчивы...

Я не успел даже договорить толком, как стены подвала начали стремительно размываться. Шорохи дома отступили на задний план, пока, наконец, не осталось лишь два отчетливых звука: ленивое дыхание Потока и негромкий скрип невидимой двери. Переход на уровень Совета нельзя описать привычными категориями. Сначала я почувствовал, что вязну в чем-то густом, что абсолютно теряю смысл понятий «верх-низ», «право-лево», «раньше-позже». Что-то похожее я ощущал и в тот раз, когда вошел в кристалл. Все, к чему я привык, включая линии Потока и сияние сердцевинного механизма, оказалось бесконечно далеко от меня. Я был словно цепь, у которой внезапно приподняли одну из опор и потянули в сторону. Наконец, вокруг начали проявляться какие-то очертания. Я понемногу начал узнавать в них фигуры.

Когда я познакомился с Мортье, у меня сложилось впечатление, что все Жнецы Смерти примерно так и выглядят. Статусно и привлекательно, с легкими нотками чего-то загробного во внешности. Да, часть Жнецов имела человеческий лик, тошнотворно правильный: лица без асимметрий, безэмоциональные глаза и фарфоровая кожа, как у тех кукол, за которыми я гонялся по всему Лиону в свое время, чтобы собрать коллекцию и порадовать одну капризную графиню. А вот другие представители Совета даже не пытались спрятаться за такой, привычной для людей, личиной. Это были светящиеся силуэты, сплетения тонких линий, сгустки тьмы, в которой иногда пробегали искры. Все они ощущались, как существа, уже давно переставшие быть кем-то конкретным, в их присутствии время было не песочными часами, а той самой вязкой и густой массой.

В центре сего заседания находился, конечно, не стол для собеседований. Жнецы собрались вокруг сияющей зоны, где Поток обнажался, как если бы из-под воды показалась часть дна, и по ней небрежно пробегали волны, не задерживаясь. Это был шов.

— Всегда хотел увидеть, как выглядят эти ваши корпоративные собрания, — вполголоса буркнул я, обращаясь к Мортье. — Теперь понимаю, что зря.

Некоторые из фигур повернулись в нашу сторону. Я почувствовал на себе внимание, не по взглядам, а по собственной изменившейся «температуре». Меня рассматривали, как лот на аукционе.

— Это он? — голос прозвучал издалека, невозмутимый, чуть насмешливый.

— Узел Лиона, — подтвердил другой. — Самоубийца, который вернулся в плотный мир демоном, а потом еще и Стражем стал. Интересный набор характеристик.

Слушать, как тебя обсуждают в третьем лице на уровне сил, которых при жизни ты упоминал не в самых лучших ситуациях, было весьма странно. Наверное, примерно так чувствует себя подопытный кролик на заседании ученого совета.

— Колдри Рейвенкрофт, — произнес Мортье, представляя меня слушателям в более достойном виде. — Узловой Страж пласта Лион. Тот, благодаря кому брешь, возникшая между нашими мирами, была заделана.

Если бы у меня были плечи, я бы сейчас пожал ими пару раз, в знак согласия с озвученной характеристикой. Пришлось ограничиться легким колебанием в пространстве.

— Не думал, что у вас принято вспоминать не только былые долги, но и заслуги.

— Мы помним все, — я дернулся, когда услышал, как мне ответил один из светящихся силуэтов. — И хорошее, и плохое. Иначе Баланс был бы лишь фикцией.

Этот жнец был каким-то... ну, старым. Не в человеческом смысле, старость выдавали не скрипучий голос, морщины или седые волосы, а какая-то непостижимая глубина: в нем были отголоски эпох, о которых в моем времени уже писали заумные исторические книги.

— Старший, — негромко подсказал мне Мортье. — Можно считать, что он у нас здесь один из председательствующих.

— Очень приятно, — склонил я голову в сторону Старшего. — Надеюсь, вы не держите на меня зла за то, что при жизни я часто позволял себе насмешки и ироничную вольность на тему смерти.

— Мы слышим достаточно, — отозвался он, в голосе мелькнуло что-то вроде едва заметной улыбки. — Слова не меняют суть чьей-то души. Ее меняют поступки.

Напротив Старшего располагался другой силуэт — грубый и резкий, как обрубок молнии. Его присутствие было каким-то давящим. Я сразу понял, что это Кассий. Имя одного из самых надменных и бескомпромиссных Жнецов я уже слышал ранее от Мортье. Как можно было понять, в далеко не самых комплиментарных суждениях.

— Я не понимаю, — едко отрезал Кассий, его силуэт задрезжал мелкой рябью, — зачем мы продолжаем обсуждать этот Узел? Лион стабилен, дыра в межпространстве заткнута. Страж свою задачу выполнил, почему Совет тратит время на того, кто уже и так получил больше, чем заслуживал?

— Потому что между мирами возникла новая трещина, — спокойно ответил Мортье. — И Узел Лиона видит ее лучше многих из нас.

— Не он один видит! — фыркнув, парировал токсичный Жнец. — Узел под Парижем давно просит перераспределения, люди сами зазывают туда смерть: войны, болезни, голод, грядущая революционная резня... Мы ведь можем использовать это в своих целях.

— Использовать? — повторил я, не веря собственному слуху. — Серьезно? Вы сейчас говорите о людях или о воде в сливном бачке?

Некоторые фигуры Жнецов едва заметно дернулись. Да, у меня есть странная привычка открывать рот не в те моменты, но сами меня позвали, пусть терпят.

— Это и есть твоя проблема, Узел Лиона, — холодно произнес Кассий. — Ты все еще думаешь о людях как о чем-то большем, нежели как о потоке сырья.

— А вы все еще думаете, что если ускорить работу мельницы, мука станет лучшего качества, верно?

Тишина стала гуще. Я не ощущал настоящей угрозы, но чуйка подсказывала, что еще один лишний выпад, и разговор перейдет на тон, на котором меня уже вообще не будут спрашивать.

Старший чуть поднял условную «руку», гася возникшее напряжение.

— Мы собрались не для того, чтобы судить друг друга, — голос Жнеца стал сухим, как бухгалтерский отчет. — Давайте перейдем к фактам. На севере и под Парижем фиксируются аномальные завихрения. Души, принадлежащие разным слоям и эпохам, собираются в точках, где не было ни войн, ни эпидемий. Мигом позже появляются механизмы, построенные по принципам, очень напоминающим сердцевины разработки.

Взгляд его повернулся к Мортье.

— Нам известно, что в этом замешаны люди, использующие идеи Ордена Святого Молота. И, что наиболее тревожно, один из наших младших Жнецов оказывает им свои консультации.

— Кхм, я действую в интересах очищения, — хмыкнул Кассий, словив камень в свой огород. — Эти люди всего лишь ускоряют неизбежное. В отличие от некоторых, которые тратят нашу энергию на спасение каких-то отдельных судеб!

— Вообще-то, я спас упорядоченность вашего же Потока, — понимая, что Жнец снова нарывается на мое внимание, ответил я. — И если вы называете это тратой энергии...

— Довольно, — повторил Старший, в этот раз его голос лег печатью на договор. Даже Кассий наконец замолчал, но не из уважения, а из подчинения структуре. — Факт в том, что смертные начали играть с нашей областью ответственности. И тебе, Узел Лиона, это знакомо лучше, чем кому-либо.

Мой силуэт дернулся, будто бы я закивал, как китайский болванчик.

— В прижизненном акте своей божественной комедии лично продавал им билеты. Но мне хватило ума все-таки собраться и помочь вам закрыть это дело.

— Именно поэтому, — подхватил Мортье, делая шаг в обнаженный шов Потока, обозначая его границу, — этот Узел сейчас особенно полезен для нас. Он показал, что сердцевину можно стабилизировать, а также использовать ее как канал для связи со Стражем, который понимает и сторону людей, и нашу.

Матерь Божья, никогда не думал, что такой рекламный памфлет в свою честь услышу. Было и неловко, и, чего греха таить, приятно.

— И вы хотите, — медленно произнес Старший, — повторить его опыт в Париже?

— Нет, там уже все слишком запущено, — покачал головой Мортье, вздохнув. — Нам нужен не новый Страж, а... гибрид.

Все взгляды снова обратились ко мне, и я почувствовал, как в Потоке что-то изменилось: возник легкий нарастающий гул, как у толпы перед началом представления.

— Ты предлагаешь дать этому самоубийце еще одно воплощение? — скептически уточнил Кассий.

— Временное и частичное, — подчеркнул Мортье, после чего обратил свое внимание в сторону Старшего. — Поток допускает исключения, когда речь идет о заделывании межпространственных дыр. Мы уже один раз позволили смертному стать Стражем. Почему бы не использовать его исключительные особенности еще раз?

— Потому что любое исключение становится прецедентом! — холодно прошипел кто-то из сторонних фигур. — Люди узнают, что кто-то вернулся в плотный мир, и все захотят того же.

— Люди всегда чего-то хотят, даже не зная, чего конкретно, — вздохнув, ответил я. — Но, с вашего позволения, большинство никогда не узнает деталей, про мои нынешние «должностные обязанности» и так знают лишь два человека. Этого достаточно, разве что, для легенд.

— Он прав, — неожиданно сказал кто-то тихо сбоку. Я увидел другую фигуру — менее четкую, чем у Мортье или Кассия. Она напоминала старую женщину, если можно так сказать о Жнеце. Никакой одухотворенной красоты, просто спокойное лицо, которое видело слишком много рождений и смертей. — Большинству живых все равно, им важнее то, что их близких кто-то встретит и не даст им застрять между мирами. Чем и занимается этот Страж.

Кивнув в мою сторону, женщина посмотрела на Старшего.

— Для них этого достаточно, но для нас — нет. Мы видим, что Узел под Парижем уже втягивает Переход в опасный вихрь, — она повернулась к Мортье. — Если ты уверен, что этот Страж способен действовать без разрушения баланса, я готова поддержать твое предложение. Но не без ограничений.

Старший, казалось, впитывал все голоса, как бумага впитывает чернила. Наконец, когда все спорящие голоса поутихли, он произнес:

— Узел Лиона, которого физический мир помнит, как человека, именуемого Колдри Рейвенкрофтом. Ты уже нарушил одну прямую линию: совершил акт намеренного прерывания жизни, вернулся как посредник, заключивший договор со Жнецом, отказался от роли товара, став Стражем, сохранив при этом в себе человеческую часть. Баланс терпит такие вещи только если они приносят пользу. Пока что ты приносил пользу. Но готов ли ты еще раз пройти через ритуал перехода? Памятуя о том, что твое возвращение будет лишь временным, как часть твоей работы в роли Стража Узла.

Я серьезно задумался. Хотел бы я вернуться в мир людей? Да конечно хотел! Любой человек, который хоть раз мечтал о втором шансе, поймет меня. Но теперь я уже не был тем отчаянным идиотом, который думал лишь о самом себе и своей выгоде. В моем списке интересов теперь фигурировало слишком много других наименований, задвигающих мое эго в самый дальний ящик стола.

— Если я уйду, что будет с этим Узлом? — издали начал я. Нужно было убедиться, что мое временное отсутствие не приведет ни к каким серьезным последствиям в Поток.

— Часть тебя останется здесь, — ответил Старший. — Структура связей уже выросла в сердцевину, ты не можешь покинуть свой пост полностью, даже если того захочешь. Но да, Узел ослабнет на время. Сердцевинный механизм должен быть надежно защищен, любой энергетический всплеск может повлиять на Поток в пласте Лиона.

«Он защищен даже больше, чем вы можете себе представить» — хотелось сказать мне. Но разве эти напыщенные лбы могут оценить ценность простого смертного человека...

— Как бы то ни было, — произнес Старший, нарушая повисшую тишину, — мы согласны рассмотреть исключение. Условия будут следующими. Тебе будет дан один год по меркам мира живых для того, чтобы содействовать стабилизации Узла, который смертные создали под Парижем, не допустив использования сердцевинных механизмов для массового контроля душ. Запрещается создание новых Узлов или расширение старых без согласования. По истечении срока человеческая часть твоей сущности должна вернуться в структуру Стража. Все, что будет после, мы рассмотрим отдельно.

— Это звучит почти как приличный проектный договор, — когда он договорился, ответил я. — Не хватает только подписи моего отца на полях: «Колдри, даже не вздумай это подписывать». Что ж, поступлю так, как поступал и раньше — подпишусь под этим всем, искренне надеясь, что это исправит мою жизнь к лучшему.

Посчитав, что вопрос со мной закрыт, Жнецы перешли к обсуждению каких-то своих насущных тем, в которые я особо не пытался вникать. Вскоре Старший «закрыл» заседание — Поток вокруг снова пошел ровнее, фигуры начали растворяться в пространстве. Кассий задержался на мгновение, окликнув меня.

— Помни, Узел Лиона, — сказал он тихо, но я услышал это очень отчетливо. — Любая попытка удержать то, что должно уйти, заканчивается хуже, чем если бы ты просто позволил этому течь. Не становись таким же фанатиком, как те, с кем ты борешься.

— Спасибо за заботу, — присев в наигранном реверансе, ответил я. — Но, с вашего позволения, я лучше стану тем, кто хотя бы попытается отличить реку от сточной канавы.

Его присутствие чуть сжалось, будто Жнец готов был ответить еще резче, но к тому моменту Мортье уже встал между нами.

— Тебя внизу заждались, Кассий. Оставь это дело мне. Я прослежу за тем, чтобы Страж выполнил свою задачу, не внося никакого деструктива в работу Потока. Чего и тебе желаю, с твоими подопечными, возмнившими себя мессией.

— Посмотрим, к чему приведут ваши игры, — безынтересно бросил тот, после чего окончательно растворился. Всего за пару мгновений все вокруг снова стало привычным по своим ощущениям, и мы с Мортье оказались в подвале поместья Рейвенкрофт. Сердцевинный механизм тихо светился, борясь с абсолютным мраком помещения. Жнец оперся на стену, засучив руки в карманы брюк.

— Ну что? Каковы ощущения после того, как Совет Жнецов сделал предложение, от которого нельзя отказаться?

— Если бы мне это было в новинку, — устало усмехнулся я, мигнув светом в сердцевине. — А так, ощущений пока никаких. Возможно потому, что я еще не осознал окончательно, на что иду. Но хотя бы мысль о том, что моя очередная авантюра может принести благо едва ли не вселенского масштаба, подогревает душу.

— Вот и славно. Я всегда верил в вашу способность принимать неверные, но благородные решения. Теперь самое время узнать, как идут дела у мадемуазель Лоран, и не подвернулись ли ей под руку записи вашего отца, о которых я упомянул. Не забывайте, что решение вы принимаете совместно.

Мой взгляд невольно скользнул в ту сторону, где за камнем, деревом и тканью этого мира находилась она. Та, кто все еще готова слепо поддерживать все мои эгоистичные и самоубийственные желания. Впрочем, если уж обсуждать свою судьбу с кем-то, то я не знаю никого, кому бы доверял больше, чем Сангрии. Даже Смерти. Я ошибался, полагая, что самое трудное для меня, это выдержать взгляд Совета Жнецов. Куда сложнее мне сейчас казалось посмотреть в глаза одной конкретной девушке, если я действительно вернусь в ее мир.

Год. Это не прозвучало в лоб, но мы с Мортье оба поняли: когда Старший говорил о «сроке по измерениям мира живых», речь шла не о вежливом «когда-нибудь», а о довольно конкретном промежутке. Но вообще, год — смешная шутка, когда ты обсуждаешь его с теми, для кого даже столетие лишь повод для разговоров по типу «а помнишь, как недавно...» В моей прежней жизни год был промежутком между одним крупным заказом и другим, между двумя отчетами, между тем, как от меня отворачивался один приятель и возвращался другой, нуждаясь в услуге. Сейчас же это мог быть весь остаток моей потенциальной земной жизни. Насколько короткий, настолько же и бесценный.

Через время до меня донесся стук ножа о разделочную доску на кухне. Повар шинковал что-то с особой яростью, а значит, или снова подорожало мясо, или Сангрия обидела его правдой о состоянии запасов. Чуть ближе послышались знакомые шаги. Легкие, уверенные, с легкой деформацией на одной из ступеней, которую девушка по привычке перескакивала, не глядя. Сегодня я хотел подождать. Подумать, составить план встречи, как когда-то составлял план разговора с особенно вредным заказчиком, хоть вместо меня и будет говорить «мой адвокат». Но Мортье, зараза, был прав: некоторые решения нельзя принимать в одиночку. А откладывание решения насущных задач в моем случае порой и вовсе завершалось... не лучшими для меня выборами. Пока я размышлял обо всем и ни о чем, послышался троекратный стук в дверь.

Лампа в руке Сангрии вырезала из тьмы частицы подвальной пыли. Лицо девушки было освещено снизу, из-за чего тень от ресниц ложилась на щеки, делая взгляд чуть хищным. Хотя свою хищность она проявляла лишь к несправедливости и грязной посуде. Сангрия дошла до площадки, поставила лампу на стол и оперлась о край старого ящика, который давно служил ей скамейкой.

— Пахнет загробной бюрократией, — сказала она, глядя на свет кристалла. — Или мне кажется?

— Вам не кажется, — ответил Мортье из тени. — Мы только что выдержали самый скучный и тревожный Совет Жнецов за последнее столетие.

— Это не в вашу пользу, — заметила Сангрия. — Даже ваших привычных шуточек поубавилось, все настолько плохо?

— Ну, почему же. Они согласились на исключение.

— На какое именно? Вариантов тут, я так понимаю, как у лавки тканей: от дешевой бязи до шелка с браком.

— На тот, о котором мы вчера говорили, — спокойно ответил Мортье. — Временное воплощение мсье Колдри Рейвенкрофта через сердцевины. В физическом теле, со своим сроком и своими задачами.

Я почувствовал, как по всему моему существу прошел слабый ток — то ли от ее реакций, то ли от того, что озвученные слова снова подчеркнули реальность происходящего. Сангрия некоторое время помолчала, после чего совершенно спокойно произнесла:

— И что за задача? Кроме очевидной «умереть третий раз за одно существование».

— Узел под Парижем, — сказал Мортье. — Кто-то, судя по всему, возводит там сердцевины без стабильного Стража. С помощью тех же идей, что пытались использовать родители мсье Колдри. Поток завихряется из-за этих действий, если ничего не сделать, этот Узел станет

магнитом для всех массовых смертей в регионе. Я даже думать боюсь о последствиях. Ведь в Париже грядут... насыщенные времена.

— Говорите так, словно уже видите все наперед.

— Работа у меня такая, — пожал плечами Жнец. — Но я бы предпочел, чтобы хотя бы часть всего этого прошла без нашего вмешательства.

Сангрия задумчиво наклонила голову.

— Значит, этот ваш консилиум Жнецов хочет, чтобы Колдри вернулся в наш мир и принял участие в еще одной афере века?

— Скорее, им важно, чтобы он не позволил сделать в Париже еще одну такую же трещину в Переходе, как была здесь. Ну, а моя «зона ответственности» — проследить, чтобы в эту потенциальную трещину не полетели все участники сего мероприятия.

Вздыхнув, Сангрия подошла ближе к механизму и встала почти вплотную к сердцевине. Мягкий свет отражался в ее глазах.

— И вы действительно думали, что я могу сказать: «нет, Колдри, сидите тут, мы как-нибудь сами все порешаем», и жить спокойно?

— Он думает, что вы все еще имеете право сказать «нет», — ответил за меня Мортье. — Быть может, вы не до конца осознаете риски, не осознаете того, что за этой очередной встречей кроется очередное прощание...

Она молчала настолько долго, что даже Поток, казалось, сделал пару лишних пауз.

— Я и не готова, — сказала наконец Сангрия. — И, честно говоря, не думаю, что человек вообще может быть готов к такому. Но сейчас страшнее другое. Что, если мы пустим все на самотек, и не дадим возможности Колдри разобраться с этой проблемой, то через несколько лет снова будем здесь же, только вокруг будут не тихие стены подвала, а находящийся под завалом город. И даже не один...

Иногда Сангрия выдавала такие фразы, что я начинал подозревать: где-то там, на своем уровне, Старший Жнец тоже ее внимательно слушает.

— Какой у него срок? — вздохнув, спросила девушка.

— Год, — без приукрас, сухо ответил Мортье. «Год...» — тут же эхом повторила Сангрия, опустив взгляд на свои руки, перебирающие кружево на платье.

— И после он вернется в сердцевину?

— Да, как Страж Узла. По крайней мере, таков базовый сценарий. Если итог будет особенно продуктивным, у нас может появиться пространство для дополнительного пересмотра. Но обещать, что мсье Колдри «станет нормальным человеком и заведет лавку по продаже шляп» я не могу.

— Не уверена, что из него вышел бы хороший продавец шляп, — не поднимая глаз, с мягкой улыбкой произнесла Сангрия. Вздыхнув, она добавила: — Ладно. Пока что будем считать, что мне нравится знать, на что я иду. К вам, мсье Мортье, у меня будет еще один вопрос, как к Жнецу Смерти. Вы ведь не измените условия по ходу дела? Не скажете: «ой, а знаете, надо еще захватить с собой десяток душ за компанию»?

Он чуть удивленно приподнял бровь, на лице даже читалась некая обида.

— А что, я так часто меняю условия?

— Изначально вы предложили Колдри сделку в духе «заключи контракт со светлой душой и живи сколько хочешь», — напомнила девушка. — А потом мы выяснили, что вы рассчитываете прибрать к рукам и его, и мою душу. Не то чтобы я вас ненавижу за это, но доверие к вам теперь специфическое. Без обид.

Мортье шумно вздохнул.

— Формально я никого не обманывал. Но человеческие критерии честности несколько иные, я к такому уже привык. Хорошо, давайте так: условия нашей договоренности изменены

не будут. И если какие-то мои коллеги попытаются вмешаться и навязать дополнительные «соглашения», я буду первым, кто даст им от ворот поворот. Даю слово Жнеца.

Меня всегда приятно удивляло то, как спокойно и даже возвышенно Сангрия вела разговор с самой Смертью.

— Надеюсь, он больше не планирует геройствовать в одиночку... Мне бы хотелось иметь полную уверенность в том, что, если он снова покинет этот мир, хотя будут и иные пути разрешения ситуации, это будет не потому, что Колдри решит, что так всем будет проще.

«Обещаю» — тихо произнес я, хоть Сангрия меня и не слышала. И это было далеко не пустое обещание.

— Но вы же понимаете, что под «не геройствовать в одиночку» он будет понимать «геройствовать с вами»? — переводя взгляд на сердцевинный механизм, спросил Жнец.

— Это звучит получше, — вздохнула она. — По крайней мере, меня устраивает.

Мортье тихо хмыкнул.

— Тогда, полагаю, я могу с чистой совестью доложить наверху, что человек, ответственный за безопасность сердцевинного механизма, дал согласие.

И фигура Жнеца рассыпалась в пространстве, оставляя Сангрию наедине со своими мыслями. На следующий день я видел, как она говорит с Баптистом. Они сидели в мастерской, возле большого стола, заваленного чертежами и железом. На одном конце стола были аккуратные схемы новых автоматов для ткачей, на другом — кувшин с водой и два стакана. Баптист держал в здоровой руке карандаш, а другой, с затянутыми шрамами от давнего «падения с лестницы», ковырялся в зубах шестеренки. Вид у механика был такой, как будто ему только что предложили сделать невозможное, и он изо всех сил делал вид, что это его раздражает, а не пугает.

— То есть, — проговорил он, — вы хотите, чтобы я помог вам вернуть мсье Колдри в этот мир? Оживить призрака, прости Господи?

— Не призрака, — поправила Сангрия. — Стража Узла. Разница тонкая, признаю, но, как показывает практика, существенная.

— Я даже боюсь представить, каким образом вы планируете это делать.

— Как раз надеюсь, что вы мне подскажете, — вздохнув, девушка уронила голову на руки, покосившись в сторону Баптиста. — Наверняка ведь у отца Колдри имелись в рукаве какие-то разработки, схожие с разработкой сердцевинки...

— Не исключаю такого варианта, — задумчиво почесав подбородок, протянул механик. — Но, увы, со мной мсье Рейвенкрофт подобными идеями не делился. Если где они и сохранились, то только в архиве поместья. Вот только прежде чем идти туда, подумайте еще раз хорошо, мадемуазель: вы серьезно считаете, что это хорошая идея? Мы уже один раз помогли мсье Колдри уйти туда, куда он сам попросился. Звать его обратно... это ли не подлость?

Сангрия не обиделась на подобное высказывание, тихо ответив:

— Нет, я уверена, что подлость — это не звать его тогда, когда он здесь нужен. И еще, делать вид, что мы здесь не при чем, когда в столице из-за знаний господ Рейвенкрофтов какие-то умники создают брешь в Переходе.

— Звучит здраво, — Баптист криво усмехнулся, постучав карандашом по столу. — Хорошо, предположим, я играю с вами в это безумие. Но вы должны понимать, мадемуазель, что из себя может представлять подобный процесс преобразования. Тут одним механиком и исполненной энтузиазма девушкой не обойдешься, потребуется едва ли не носитель алхимических знаний...

— Доктор Леру! — тут же отозвалась Сангрия, хлопнув ладонью по столу. От упоминания этого имени старый механик закатил глаза так, что они у него едва не прокрутились вокруг своей оси. Я не совсем хорошо понимал, о ком идет речь, но имя это в стенах мастерской уже не раз проскакивало за последние годы. Какой-то безумный врач, прибывший из Виллербана,

и оставивший здесь уже целое состояние, то и дело приобретая автоматов на заказ для своих научных проектов. — Он сам говорил мне, что если когда вдруг понадобится его помощь, я могу рассчитывать на него. Доктор уже видел больше смертей, чем любой из нас, и может любого человека разобрать на алхимическую формулу.

— Только этого поехавшего не хватало вплести в наши деяния, — откинувшись на спинку стула и сложив руки на груди, пробубнил Баптист. — Для него же любой человек — все равно, что кролик подопытный.

— Мы не в том положении, чтобы выбирать, — нахмурившись, отрезала девушка. — Не нужно сразу вставать в позу, мсье, может удастся обойтись и нашими силами. Сейчас, пока я еще не нашла записи мсье Альберта, мне от вас нужен лишь один ответ: готовы ли вы сотрудничать и помогать нам в этом деле?

Баптист слушал, мрачней с каждым словом. Немного покачавшись на стуле, механик тяжело выдохнул.

— Знаете, мадемуазель, мне казалось, я уже вышел из возраста, когда соглашаешься на подобные эксперименты. Но судьбе все равно, что мне там казалось... Что ж, я помог собирать сердцевину отцу мсье Колдри, я помог уничтожить ее дубликат и запечатать для вас. Чем черт не шутит, помогу и Стражу вернуться в мир живых. Мсье Колдри, конечно, и мертвым умудряется заставлять других совершать глупости в его интересах.

«По крайней мере, полезные», — отозвался я, заставив лежащий рядом маленький винтик перекатиться. Баптист заметил это и хмыкнул.

— Да-да, понял уже, что вы за нами следите, — буркнул механик, поправляя собранные в хвост седые волосы. Я почувствовал нечто странное: меня одновременно стало больше и меньше. Больше потому, что в этом безумии теперь потенциально участвовали не только мы с Сангрией и один уставший от всего Жнец, а целая команда. А меньше потому, что моя «особенность» переставала быть моим личным проклятием и становилась целым проектом. Как ни странно, именно это принесло облегчение. Я больше не был единственным, кто несет за это ответственность, теперь у нас был подпольный совет собственников. Если вы думаете, что после их разговора о моей судьбе я возрадовался донельзя и пребывал в предвкушении, то вы явно никогда не подписывали серьезных договоров. Да, где-то внутри у меня пузырились формулировки «год жизни», «физическое тело» и «кофе по-креольски с добавлением шоколада и пряностей». Но рядом с ними стояла знакомая мрачная фигура с табличкой: «А последствия какие, прикинул?»

И все же, глядя, как уверенно Сангрия убеждает старину Баптиста, а тот что-то сердито бубнит под нос, но не торопится отказывать ее замыслам, я подумал, что даже если все опять пойдет по худшему сценарию, я буду не один. А это весомый аргумент даже для самого проблемного Стража.

Глава третья

В которой очередное письмо из Парижа весит как свинцовая гиря и попадает не в тот ящик, чтобы его можно было спокойно проигнорировать

Есть вещи, которые невозможно не заметить Стражу, видящему мир несколько иначе. Например, тот момент, когда в дом приносят беду, аккуратно завернутую в конверт с гербовой печатью.

Утро в вороньем поместье шло своим чередом. Слуги тихо шуршали, повар громко ругался на вчерашний неудачный хлеб, на кухне пахло подгоревшим луком и свежим тестом. Сангрия устроилась за столом в маленькой комнате рядом с мастерской, сортируя счета и заявки, одновременно слушая жалобы Пьера и мысленно отмечая, кого сегодня за что надо отругать. Я, как всегда, присутствовал сразу в нескольких местах. Одна часть меня наблюдала за тем, как Жюль в очередной раз с опасным энтузиазмом прибывает к стене новый крюк для инструмента, вторая держала краем сознания сердцевину, третья привычно отмечала, что скрипучая ступень номер семь таки скрипит больше нормы, и, вероятно, скоро кто-нибудь с нее навернется. Тогда-то и появился курьер.

Стучать в дверь он, видимо, не умел или считал ниже своего достоинства, поэтому просто дернул за веревку колокольчика так, что тот заорал во все свое горло. Пьер подскочил и выронил поднос, на котором до этого аккуратно стояли три чашки.

— Да чтоб вас, — максимально вежливо объяснил свое отношение к неожиданным визитам лакей и пошел открывать дверь. Я переместился к холлу, чтобы посмотреть. Нельзя же упустить возможность посмотреть на источник будущих проблем. Курьер был из тех, кого видно за версту: аккуратный сюртук, сапоги начищены, на груди блестел маленький значок почтовой службы, а на лицо было натянуто профессиональное равнодушие. В руках он держал кожаную папку с печатью — герб королевской канцелярии и показавшийся мне знакомым изгиб буквы: почерк капитана де Бресса на адресе.

— Письмо для мсье Гиро и управляющей поместьем Шато Рейвенкрофт, мадемуазель Лоран.

Пьер окинул курьера скучающим взглядом.

— Мадемуазель Лоран дома, а вот мсье Гиро проживает вообще по другому адресу. Но я могу оповестить его о том, что на его имя пришло письмо.

Курьер, видимо, имел инструкции не спорить с людьми, в домах которых недавно гостили королевские комиссары, поэтому молча вручил папку, попросил расписку и исчез так быстро, как будто сам боялся, что его заставят участвовать в очередной интриге. Пьер с папкой в руках, вернувшийся к Сангрии, выглядел так, будто ему вручили змею.

— Мадемуазель, вам тут опять привет из Парижа, — объявил он, врываясь в мастерскую, где девушка как раз спорила с одним из мастеров о количестве масла в смазке для нового пресса. Сангрия тут же оторвалась от чертежа. Взгляд ее на секунду стал пустым. Когда на человека одновременно наваливается слишком много проблем, каждая последующая уже перестает вызывать эмоции.

— Покажите, — сказала она, кивая на папку с гербовой печатью. Пьер поспешил скорее избавиться от груза, и сиюминутно удалился, как только папка легла на стол. Я подвинулся ближе, насколько позволяла сердцевина, и с любопытством заглянул через плечо Сангрии. Быть невидимым, но все еще читать чужую корреспонденцию — неплохой плюс моего состояния. Внизу папки была подпись: «Арман де Бресс, капитан королевских войск, комиссар по делам промышленной безопасности». Сангрия осторожно вскрыла печать ножом. Внутри

были несколько листов — один основной, остальные, судя по печатям, копии рапортов и приложенные «наблюдения».

Голос де Бресса легко узнавался уже по первым строкам. Он писал так же, как говорил, четко и без приукрас, иногда вбрасывая между строк сухую иронию.

«Мадемуазель Лоран, позволяю себе в очередной раз нарушить ваше заслуженно спокойное положение в Лионе тем, что принято называть плохими новостями. В Париже за последние месяцы произошло несколько инцидентов, связанных с производством и хранением пороха, а также с испытаниями некоторых новых машин. Официальные версии говорят о человеческой небрежности и случайностях. Мои наблюдения и отчеты некоторых доверенных офицеров заставляют меня считать такие объяснения удобной ложью».

К письму были приколоты эти самые отчеты. Сангрия пробежалась по ним глазами. Казарма, где неожиданно самопроизвелся залп всех пушек в одном блоке, мануфактура, где станки начали работать вразнобой, пока один рабочий не попал под зубчатый вал, склады, где «сами по себе» загорались лампы...

«...Свидетели, те немногие, кому удалось не погибнуть, описывают странные явления: как если бы машины и оружие в определенный момент переставали быть подвластными рукам людей и действовали по чужой воле».

Потрясающе. Они три года так мучительно объясняют всем, что машины виноваты не сами по себе, а всегда стоит искать за ними людскую глупость, жадность или фанатизм, и что? Машины все равно начинают вести себя так, будто у них есть характер. Сангрия напряженно сжала губы, продолжая читать письмо.

«...Я не склонен видеть дьяволов там, где обычно хватает человеческого фактора. Но после Лионских событий я не могу не допустить, что кто-то попытался перенять идеи сердцевинных механизмов и применить их в столице. Не исключено, что в этом замешаны люди, связанные с Орденом Святого Молота или вдохновленные их трудами. Не могу пока доказать этого юридически, но мне достаточно увидеть повторяющийся паттерн: там, где модели человеческого поведения не объясняют происходящее, начинает пахнуть тем, чем не должно пахнуть в мастерских — ладаном. А мы оба знаем, что это редко бывает хорошим знаком».

Я почти увидел кривую ухмылку де Бресса, когда он писал это. В нашей маленькой войне против Ордена королевский комиссар явно стал чувствителен к запаху ладана и масла.

«Мадемуазель, учитывая ваш опыт обращения с подобными явлениями, прошу вас быть готовой к тому, что мне потребуется ваша помощь. Возможно, очень скоро.

С уважением,

Арман де Бресс.»

Сангрия отложила первый лист и перешла к рапортам. Там было много деталей, от которых любой нормальный человек побледнел бы, а я, привыкший уже к «отчетам» Потока, лишь еще раз подумал, как талантливо люди умеют ломать даже то, что должно служить им. Один рапорт описывал «несчастный случай» на артиллерийском полигоне. Все пушки на одной стороне крепостной стены одновременно сорвались с предохранителей и сделали залп не туда, куда были наведены, а в почти пустое поле, где, по странному совпадению, стояли всего два человека: младший офицер и какой-то врач, проверявший записи. Офицер выжил. В отчете было отдельно отмечено: «в момент залпа у него в руках был странный карманный механизм с кристаллом, который, по его словам, он нашел у погибшего врача».

Другой рапорт рассказывал про мануфактуру, где ткали полотно для королевской гвардии. Там несколько ткацких станов «сошли с ума». Механики клялись, что ничего не меняли в конструкциях, но свидетели утверждали, что в обеденный перерыв в цех заходили «люди в плащах», после чего стали происходить странности. Людей в плащах, особенно с молотками на лацканах, мы уже видели, и на что они способны тоже знаем. Все в очередной раз указывало на то, что дело Ордена живет и процветает, просто уже не под флагом Лиона.

Последний документ был самым неприятным: донесение некоего чиновника из Парижа о том, что в катакомбах «местные братья» устраивают тайные богослужения с элементами науки. Внизу, в приписке, де Бресс написал от руки: «Очень похоже на то, как когда-то описывали собрания Святого Молота. Те же слова, те же намеки на «очищение через то, что внутри костей».

Сангрия сложила бумаги, положила их на стол и долго сидела, глядя в одну точку. На лице девушки было то выражение, которого я боялся больше всего: отчаянная решимость. Она всегда приходила после того, как все остальные эмоции отрабатывали свое и уходили на заслуженный покой. Пока девушка размышляла над содержанием письма, в воронье поместье нагрянул Баптист. Любопытство кошку сгубило — как бы он не противился нашим планам, а едва проснулся, так сразу и пороги дома обивать. Сангрия, конечно, рассказала ему о письме королевского комиссара.

— Ну и? — спросил механик, поднимая со стола какой-то погнутый болт и с интересом разглядывая его. — Сколько там уже «несчастных случаев»?

— Достаточно, чтобы перестать называть их случайными, — ответила она. — И не менее достаточно, чтобы я снова перестала спокойно спать.

— Мадемуазель, вы и так спите через раз, — буркнул Баптист. — Взгляните на себя, такая молодая, а уже волосы с проседью. Ох, не доведет вас до добра такой образ жизни.

Сангрия мягко улыбнулась, игнорируя сказанное механиком. Услышав, как где-то рядом в очередной раз падает гаечный ключ, она кивнула в сторону.

— Посмотрите, что там у Анри, а то он там скоро без пальцев останется. Я пока спущусь в подвал.

Баптист махнул рукой.

— Идите, идите. Передавайте вашему Стражу, что если он решит снова нас бросить самым вариться в этом всем, я подумаю, не пойти ли мне на пенсию, — механик выдержал театральную паузу, после чего добавил чуть тише. — Или в Орден податься...

Сангрия посмотрела на него так, что даже я почувствовал холодок от этого взгляда.

— Это я шучу так, — поспешно добавил он, хрипло посмеиваясь. — Хоть иногда у меня получается хуже вас.

В подвал Сангрия спускалась уже без спешки. Это было характерно для нее: чем более неприятный разговор поджидал, тем спокойнее выглядела девушка.

— Ну что, мсье Рейвенкрофт, — сказала она, когда каменное полукольцо лестницы скрыло за собой дневной свет, — у нас там наверху все по старому сценарию. Ни дня без напоминания о людях, которым не дают покоя разработки вашего отца.

— Удивительно, как многое в этом мире остается неизменным, — отозвался я, откликаюсь легким всполохом в кристалле. — Даже Смерть иногда жалуется на однообразие.

Сангрия села на коробку, положив папку рядом. Она начала пересказывать все то, что уже прочитала наверху, даже не зная, что я тоже уже был в курсе. Но мне было приятно слушать девушку, с ее особыми комментариями и теми интонациями, которых не видно на бумаге: как Сангрия проглатывает слово «души», когда говорит об орденах, как резко произносит «люди в плащах», и насколько спокойно (или обреченно?) — «Париж».

— Капитан просит меня быть готовой к тому, что ему понадобится помощь, — закончила свой рассказ Сангрия. — И я не могу ответить «нет». После всего того, что мсье де Бресс сделал для нас, это было бы весьма нетактично.

— Это еще мягко сказано, — отозвался знакомый голос. Мортье, как водится, выбрал момент так, чтобы его появление не выглядело ни театральным, ни случайным. Он словно вырос из тени возле сердцевины. — Вы двое закрыли дыру, которую открыли трое умных и дюжина жадных. Если теперь проигнорируете трещину в пространстве побольше, Баланс будет... разочарован.

— Пусть подаст жалобу в письменном виде, — сказал я. — Но, увы, я с ним соглашусь. Сангрия хмыкнула.

— Мсье Мортье, лет пять назад мне приходилось принимать более приземленные решения. А теперь я рискую вызвать разочарование у тех, чье существование толком не укладывается у меня в голове по сей день.

— Пять лет назад вы спорили с братом о том, стоит ли ему ехать в Лион, — голос Жнеца стал мягче. — И все равно он поехал.

Я не особо понял, зачем было сейчас упоминать Теодора, если это довольно болезненная тема для Сангрии. Свет в сердцевине сердито всколыхнулся, но, похоже, никто на это не обратил внимания. Девушка в ответ на фразу Мортье лишь мягко улыбнулась, покачав головой:

— Я не хочу, чтобы сейчас за меня решали так же, как тогда за него. Ни вы, ни кто либо в Париже. Поэтому я здесь.

— И поэтому мы идем навстречу, мадемуазель, — Жнец развел руками в стороны. — С моей стороны все чисто, все договоренности улажены. Осталось лишь «построить мост» из нашего мира в ваш. Поверьте, он уже ждет не дождется своего часа.

Мортье постучал пальцами по сердцевинному механизму.

— Прекрасный маршрут, — фыркнул в ответ я. — Всегда мечтал, что мои лучшие годы пройдут в прогулках по мостам, но я имел в виду мосты над Роной, а не между мирами.

Сангрия подошла ближе и провела ладонью по металлическому ободу.

— Сегодня я, чувствую, проведу весь день в архиве. Колдри... я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы могли выполнить свое поручение. Можете рассчитывать на меня.

Должен заметить, что с того дня письмо де Бресса так и лежало мертвым грузом на столе в мастерской, куда его положила Сангрия после нашего разговора в подвале. На него то накладывали новые счета, то отодвигали в сторону, но никто не смел положить его в дальний ящик. Я видел, как Сангрия несколько раз, проходя мимо, машинально касалась конверта кончиками пальцев, а Баптист, садясь за чертежи, отодвигал его чуть дальше, будто боялся пролить на него масло. Будучи уже частью интерьера, письмо стало символом того, что наш Лионский кризис был только началом. Мы все могли еще спорить о справедливости и ругаться на Богов, людей и судьбу. Но факт был неоспорим: кто-то взял наши ошибки за образец. И если мы не хотели, чтобы наша история стала первой главой в пособии «Как разрушить баланс вселенной всего за три шага», предстояло сделать то, чего никто никогда не ожидал. Я обманывал себя, думая, что еще есть время на «подумать». Письма из Парижа, если и ложатся на стол, то начинают тихо прожигать дыру в дереве.

В тот же день после обеда дом решил, что одного конверта с дурными новостями ему недостаточно. Я почувствовал знакомое движение воздуха у ворот: подъезжала карета. Лошади фыркали, колеса скрипели, а я сквозь кованые прутья забора «увидел» силуэт с тростью и знакомым профилем.

— Само величие закона пожаловало, — произнес Огюст, задерживая занавеску. Уже через считанное мгновение дворецкий стоял у двери. Вид у него был такой, будто он успел настроиться на прием исключительно плохих новостей.

— Мсье Гиро, — поклонился Огюст, когда фамильный поверенный перешагнул порог. — Мы получили письмо.

— Я знаю, — сухо ответил Гиро, стряхивая дорожную пыль. — Пьер уже сообщил об этом.

Он провел ладонью по бородке и оглядел холл.

— Мадемуазель Лоран дома?

— В мастерской, — кивнул дворецкий. — Как и всегда.

Гиро постучал в дверной косяк, обозначая свое прибытие, но, как всегда, вошел без ожидания формального «да». Сангрия сидела за столом, склонившись над очередным чертежом.

Баптист стоял у окна, делая вид, что любит вид на двор, но на самом деле прислушивался ко всему.

— Мадемуазель, — произнес Гиро, кивая в сторону Сангрии. — Полагаю, ко мне у вас уже накопилось столько же вопросов, сколько у меня к вам.

— Если бы мы получали деньги за количество вопросов, мастерская давно бы выкупила все свои долги, — она отложила перо и поднялась. — Прошу, мсье, присаживайтесь.

— Итак, — сказал поверенный, уютившись за стол — рассказывайте. Надеюсь, вам не придется упоминать некоторые знакомые нам имена?

— К счастью, хоть это слово и не совсем уместно в контексте письма капитана де Бресса, речь шла в основном про пушки, которые стреляют сами по себе, и станки, которые самовоспламеняются.

Гиро внимательно выслушал все, что ему рассказала Сангрия, размеренно отбивая ритм пальцами по столу. Когда девушка замолчала, юрист некоторое время помолчал и сам, после чего устало выдохнул.

— Мсье де Бресс, как я полагаю, имеет твердое намерение задействовать все доступные ресурсы, чтобы разобраться в происходящем. И под «всеми ресурсами» он подразумевает не только юристов.

Сангрия сдержанно улыбнулась.

— Полагаю, королевский комиссар рассчитывает на нашу помощь, так как ему больше не к кому обратиться. Сейчас не лучшее время, чтобы делать достоянием общественности информацию о проекте Рейвенкрофтов и сердцевинных механизмах. Поэтому нам всем сейчас нужно держаться рядом, и стараться решать поступающие проблемы без особой огласки.

— На самом деле, мысль о том, что где-то в Париже повторяется ваша история, еще и не без вмешательства Ордена... мягко говоря, пугает меня больше, чем все долги вместе взятые.

Баптист хмыкнул, покачнувшись на пятках у окна.

— Впервые слышу, чтобы юрист боялся чего-то больше, чем долгов. Значит, дело совсем худо.

Гиро чуть скривил губы.

— Я видел, что происходит, когда люди, не понимающие сути вещей, пытаются использовать опасные и не до конца изученные инструменты, — тихо ответил он. — Мне хватило одного Лиона, второго такого я не переживу, уже не в том возрасте, чтобы выносить столько стресса на своих плечах. И именно поэтому я пришел не только за тем, чтобы выслушать содержимое письма, но и с предупреждением. Мадемуазель Лоран, если вы решите вмешаться, то вы не должны забывать, что у вас есть и другая ответственность. За это поместье, за мастерскую, за людей, которые верят, что здесь все-таки спокойнее, чем в столице.

— Вы предлагаете мне выбирать между ними? — сдвинув брови к переносице, спросила Сангрия, на что юрист покачал головой.

— Я лишь предлагаю вам выбрать, как именно вы будете участвовать. Не как жертва чужой игры, а как человек, который заранее понимает, куда лезет. То что вы согласитесь посодействовать в этом деле, в этом я уже, увы, не сомневаюсь...

— Мсье Гиро, скажите честно, — обойдя Гиро со стороны, сказала Сангрия. — Если я скажу вам: «Нет, что вы! Конечно, я останусь в Лионе, буду следить за мастерской и домом, пусть Париж сам разбирается со своими проблемами»... Вы сможете уважать меня за такой выбор? Зная, что я — едва ли не единственный человек, который напрямую связан со всей этой историей.

Он молчал, причем молчал долго. Я слышал, как под кожей у Гиро напряглись жилы.

— Как юрист, я бы сказал: вы имеете на это полное право, — наконец, вздохнул он, опуская глаза в сторону. — Как человек, видевший, какую роль вы играли в этом всем, и сколько вы

сделали, ради сохранения репутации имени Рейвенкрофтов... я не смог бы отнестись к такому решению с пониманием.

— Я вас услышала, — мягко ответила Сангрия, кивнув. — Вы дипломатичнее, чем де Бресс. Он бы сказал то же самое, только без предисловий.

— Он военный, им позволено. Юристов же учат упаковывать приговоры в красивую обертку.

— Интересно, в какую же обертку вы упакуете наш будущий поход в ад под Парижем? — спросил я, но ответа, разумеется, не получил, кроме легкого вздергивания края губ у Гиро. После ухода поверенного, когда в доме снова стало тише, Сангрия осталась в холле одна. Баптист ушел «заниматься шестеренками», что в его переводе означало «поспорить с железом, чтобы не лезть в человеческие эмоции».

— Все будет хорошо, мсье Огюст, — через плечо бросила девушка, заметив, что из-за кухонной двери на нее одним глазом поглядывает дворецкий. Понимая, что его обнаружили, Огюст шумно выдохнул, и, заводя руки за спину, подошел к Сангрии.

— Мне не привыкать такое слышать, — печально улыбнувшись, произнес он, поднимая глаза на портрет над лестницей. — Мсье Рейвенкрофт всегда любил успокаивать подобным образом. С такой же железной уверенностью.

— Не то чтобы я умаляю его искренность, но в свои слова я действительно верю, — ответила Сангрия, проследив за взглядом дворецкого.

— Я уже говорил, что вы мудра не по годам, мадемуазель Лоран? — сдержанно рассмеявшись, ответил Огюст, после чего выдохнул, и его лицо снова приобрело серьезное выражение. — Знаете, мне вчера приснился странный сон. Словно к нам вернулся сам мсье Колдри, живой и невредимый, будто бы... никогда и не было того самого дня. Ругался, что мы тут мебель без его ведома попереставляли. Восхищался мастерской, вот только мастерам от него доставалось, то и дело шпынял их почем зря, мол, руки не из того места растут, из-под таких рук не выйдет толковых механизмов...

Мне показалось, что Сангрия на какое-то мгновение вовсе перестала дышать. Что уж там, мне и самому не по себе стало от таких живописных рассказов Огюста. Я ведь, если бы у меня была возможность прямо сейчас заявиться в свое поместье, примерно так бы и поступил... в такой же последовательности.

— Единственная, кому не досталось крепкого словца из-под его горячий руки, это были вы, мадемуазель, — дворецкий посмотрел на Сангрию, которая прятала глаза, нервно покручивая пальцами пуговицу на своем платье. — Надо бы покопаться в библиотеке, поискать сонник... интересно, что означают такие сны.

— Ну... возможно, мсье Колдри на самом деле наблюдает за нами, находясь где-то за гранью этого мира, и это его «звоночек» нам оттуда, — улынулась в ответ девушка.

— Я уже практически уверен в этом, — твердо кивнул Огюст. — И это, заметьте, вам говорит человек, который раньше вообще ни во что потустороннее не верил.

Ну что же ты так, старина Огюст. Жить в этом поместье и не верить в потустороннее, это как жить на острове и не верить в существование океана. После этой весьма странной беседы, исполненная не менее странными чувствами Сангрия отправилась в кабинет. Когда дверь за ее спиной закрылась, девушка медленно обошла стол, остановилась у окна и тяжело выдохнула. Мне так хотелось сейчас «сесть» на подоконник, как в былые времена. Я уже не говорю о тех временах, когда имел возможность сидеть на нем, как самый обычный человек, а хотя бы как тогда, когда я был нематериальной сущностью, но имел возможность говорить с Сангрией... как же я не ценил то время. За окном Лион жил своей обычной жизнью: торговцы спорили на рынке, дым из труб поднимался в серое небо, повозки гремели по булыжникам. Завод на горизонте выглядел тихо, его трубы больше не вопили огнем, только тонко очерчивали воздух.

Сангрия стояла у стекла, прислонившись лбом к холодной раме. Я находился совсем рядом, настолько близко, что мог бы пересчитать все выбившиеся из ее прически рыжие волосы, если бы у меня были глаза в привычном понимании этого слова. Но я мог лишь ощущать ее — теплый и яркий Узел жизни на фоне холодной структуры Потока.

— Знаете, когда все это только началось, я мечтала о совершенно тривиальных вещах, — вдруг произнесла Сангрия. Она не оборачивалась, глядя на дым заводских труб вдалеке, но я знал, что девушка обращается ко мне, своему безмолвному слушателю. — О доме, куда всегда будет в радость возвращаться, о работе, где не будут лгать в лицо каждый день, о людях, которые не совершают убийства ради чужих сумасшедших идей.

Девушка провела пальцем по стеклу, оставляя на нем мутный след.

— Иногда мне кажется, что если бы Бог действительно хотел, чтобы я жила в покое, он бы просто выдал меня замуж за какого-нибудь лионского булочника. Месила бы сейчас тесто, считала медяки и не думала бы ни о каких Жнецах и сердцевинных механизмах. Но он почему-то отправил меня в этот проклятый дом. К вам...

И за это я ему искренне благодарен. Если бы я мог говорить, то произнес бы это вслух, возможно, сопроводив своей привычной ухмылкой. Но сейчас мне оставалось лишь слушать, чувствуя, как внутри моей сущности сжимается тугой ком вины и нежности. Сангрия медленно обернулась и обвела взглядом пустой кабинет: кресло, в котором я любил прокрастинировать, стол, заваленный документами, механического ворона на полке. Ее глаза остановились на том месте, где пространство чуть заметно рябило от моего присутствия.

— Вы... — Сангрия сглотнула, ее голос едва заметно дрогнул. — Вам страшно, Колдри?

Я ненавидел этот вопрос. Еще при жизни терпеть не мог признаваться в собственной уязвимости, но сейчас не ответить на него было бы трусостью. Да, кричал я внутри себя. Да, я просто в ужасе! Я попытался вложить этот ответ в пространство вокруг нас. В подвале, далеко внизу, сердцевинный механизм тяжело и глухо ухнул, словно пропустившее удар сердце, и по полу кабинета прошел едва уловимый холодок. Сангрия грустно улыбнулась. За эти годы она научилась читать меня без слов лучше, чем кто-либо читал мои официальные письма.

— И мне, — призналась девушка, обхватив себя руками за плечи. — Но боюсь я не столько Парижа, Ордена или этих катакомб из писем де Бресса. С ними все понятно: мы либо справимся, либо нет. В любом случае, это будет битва с очевидными правилами. Я боюсь другого. Что за этот год я привыкну к тому, что вы рядом, что я смогу касаться вас, слышать ваш голос, спорить с вами из-за каждой мелочи за завтраком... А потом этот год закончится. И когда вы уйдете обратно, к своему Поток и Жнецам, мне будет физически невыносимо смотреть на этот дом без вас. Одно дело — скучать по призраку, и совсем другое — снова потерять живого человека...

Ее слова резали меня по живому, как бы иронично это ни звучало. Я метался в своих невидимых цепях, проклиная и Смерть, и Баланс, и собственную гениальную семью.

— Знаю, что должна была бы вас отговорить, — тихо продолжила Сангрия, словно отвечая на мои невысказанные мысли. — Цена ведь слишком высока, но... я все равно выбираю этот риск. Даже один год лучше, чем перспектива вести монологи без ответа пожизненно.

Я чувствовал себя так, словно ставил подпись под самым безумным и опасным контрактом. Когда знаешь, что неустойка будет фатальной, дорога назад сожжена, но понимаешь, что другого шанса просто не существует в природе. Легкое дуновение коснулось щеки Сангрии и скользнуло по рыжим волосам, как невесомое касание руки. Девушка закрыла глаза, принимая этот жест. Сангрия тяжело вздохнула, а когда она снова открыла глаза, прежней уязвимости в них уже не было. Управляющая вороньим поместьем и совладелица мастерской вернулась на свой пост, задвинув слезы в самый дальний ящик собственной души.

— Ладно, — твердо произнесла Сангрия, отходя к столу. — Довольно этих сантиментов. Если мы уже решили лезть в это безумие, надо понимать, с чем придется работать. Капитан де

Бресс, конечно, тот еще манипулятор: хочет два в одном. И Париж спасти нашими руками, и проверить, насколько далеко может зайти наша лояльность короне.

«Он хотя будет на нашей стороне, — мысленно заметил я, наблюдая, как девушка перебирает бумаги. — По крайней мере, среди всех носителей королевской власти он единственный, кому я готов доверить вашу спину». Деревянная панель шкафа позади нее издала короткий согласный скрип. Сангрия задумчиво постучала пальцем по столешнице.

— Как бы там ни было, сначала нам нужно совершить невозможное здесь, дома.

Девушка потянулась к полке и достала оттуда ту самую шкатулку, которую не открывала со дня моего «ухода в Поток». В ней лежали самые старые и опасные чертежи моего отца. Сангрия выложила их на стол, прямо рядом с предыдущими письмами де Бресса. Получилась весьма ироничная картина — на одной стороне стола лежало прошлое с пометками «сердцевина», «предохранитель» и «критическая опасность», а на другой покоились королевские гербы, слова «инцидент», «аномалия» и «Париж». Между всем этим, строгим надзирателем, стояла она.

— Самое время навестить архив, — наконец сказала Сангрия, решительно беря в руки связку ключей. — И узнать наконец, что это за «обратный вектор», о котором так часто упоминается на полях. Быть может, именно за этими словами кроется ответ на наш главный вопрос.

Очередная авантюра под кодовым названием «Доделаем то, от чего отец в ужасе бежал». Меня это уже заранее напрягает. Я последовал за Сангрией в глубины поместья, сквозь камень, дерево и привычную тьму, и оказался на месте даже раньше, с учетом моих возможностей. Там, где дом хранил самые старые бумаги Рейвенкрофтов, уже пахло въевшимися чернилами и плесенью. Но более отчетливо на фоне всего этого выделялся запах грядущего безумия, о котором явно не напишут даже в книгах.

Глава четвертая

В которой я снова слышу про отцовские записи и в который раз убеждаюсь, что худшее наследство — это чьи-то незаконченные идеи

Поместье Рейвенкрофт хранило в своих стенах не только механизмы и потайные двери, но и привычные для любой уважающей себя династии секреты в бумажном виде. Когда-то, будучи еще живым и не в меру самоуверенным, я считал, что знаю каждую полку в архиве и содержимое всех папок, как свои пять пальцев. Теперь я честно признаю, что значительная часть моего «знания» заключалась в том, что я раз в год вопил на конторского писца, а он с покаянным видом перекладывал бумаги. Отец же относился к архиву иначе, он любил складывать здесь все ассоциативно. Письма о долгах он прятал в ящик с чертежами, где фигурировала та же сумма. Технические заметки — под переписку с министерством, «чтобы помнить, чего нам точно не дадут». А вот свои самые опасные мысли отец прятал в такие места, в которые он даже сам повторно не рисковал лезть.

Сангрия шла в архив с боевым настроением, но с четким осознанием, что покинет его далеко не сразу и не в лучшем виде.

— Если я не вернусь через три часа, считайте, что я испустила дух под толстым слоем пыли и бумаг, — сказала она Баптисту, проходя мимо него возле лестницы. — Но все же передайте мсье Патрику, пусть отложит порцию ужина и для меня. В идеале, если он сегодня готовит мое любимое блюдо.

— Какое, мадемуазель? — спросил механик, опершись на колонну.

— Любое, которое не будет подгоревшим, — отозвалась Сангрия и скрылась за дверью, ведущей в глубину дома.

Архив представлял собой длинный, чуть сыроватый коридор с потолком-сводом, на стенах которого были стеллажи до самого верха. Свет лампы, которую несла Сангрия, выхватывал из темноты обрывки надписей на корешках: «договоры по зерну», «отчет по испытанию №7», «положение о пожарной безопасности», «сборник идей (не удавшихся)» «... Солидарная с моими собственными мыслями, Сангрия заинтересовано потянула на себя целый ворох тубусов, объединенных одной идеей. Как считал мой отец, не удавшейся.

Сангрия звонко чихнула, когда за компанию с тубусами к ней вышел познакомиться столб застарелой пыли. Мне лишь оставалось тяжело вздохнуть, хотя хотелось извиниться, и сказать, мол, отец мой был человеком творческим, и, как большинство гениев своего времени, имел ужасное представление о том, что такое порядок. Один из тубусов заинтересовал девушку больше других. Немного повертев его в руках, Сангрия произнесла вполголоса:

— Без ярлыка... уже подозрительно.

Впрочем, логично. В моем мире «без ярлыка» обычно означало «важнее всего», потому что только то, что нельзя было отыскать слишком легко, отец никак не помечал. На торце тубуса, если присмотреться под углом, было процарапано крохотное «О.В.». «Особо вредное?» — было первой же мыслью, посетившей меня. Ну, что-то из разряда того, как помечают ящики с урановыми плитками. Но потом я вспомнил и об «обратном векторе», о котором упомянула Сангрия. Девушка уселась на ближайший сундук, поставила лампу так, чтобы свет падал прямо на столешницу, и сняла крышку тубуса. Изнутри выскользнули несколько сложенных вчетверо листов, уже слегка пожелтевших по краям.

Первый лист был заголовком. «Проект: обратный вектор Перехода. Не для применения без согласования. Предварительные наброски». Узнавался почерк Рейвенкрофта-старшего, четкий и уверенный, с теми самыми завитушками, за которые я в детстве его тихо ненавидел, потому что учителя каллиграфии постоянно показывали мне его записи как пример. Я все еще

продолжал поражаться тому, сколько тайн мой отец унес с собой в могилу, не обмолвившись и словом... Впрочем, не исключая тот вариант, что он мог мне обо всем этом говорить, но я был слишком занят спорами о долгах и исполнен своим юношеским максимализмом, чтобы слушать его.

Сангрия развернула следующий лист, на нем был чертеж. Первое впечатление — все та же знакомая сердцевина, с ее кольцами, трубами и кристаллом. Но приглядевшись, я заметил отличия. Стрелки. Обычные технические обозначения направления действия, и в чертежах сердцевины они всегда шли к кристаллу. Здесь же наоборот, от кристалла. По сути, от Узла к... силуэту человеческой фигуры, нарисованной рядом весьма схематично. По краям виднелись подписи, торопливо написанные размашистым почерком:

«Не весь объем! Только эхо (паттерн), не полноценный переход»

«Требует устойчивого Узла (см. Якорь)»

«Граница между нашим влиянием и властью Баланса! Не использовать без крайней нужды»

— По крайней мере, он понимал, куда лезет, — заметил внезапно объявившийся Мортье, который встал рядом с Сангрией, опершись на передвижную лестницу. — Не то что некоторые.

— Спасибо, — фыркнул в ответ я. — Напомните мне, пожалуйста, в следующий раз, насколько вы были осторожны, когда пришли по мою душу.

Сангрия просматривала бумаги дальше. Идеи отца чередовались с зачеркиваниями и комментариями на полях.

«Если можно записать эхо в механизм, логично предположить возможность частичного вывода. Вопрос только, зачем?»

«Слишком много неизвестных. Как удержать часть, не нарушая целого?»

«Андре была права, человеческая душа не должна становиться предметом экспериментов. И все же...»

Здесь чернила стали толще, как если бы перо задержалось, и очередные записи оборвались на полуслове. Следующим листом было письмо. Отец часто записывал то, что не решался сказать вслух, и прятал туда, где потом, возможно, эти записки найдет тот, кому это адресовано. Адресат был очевиден уже по первому слову. Меня, если честно, немного передернуло. Я трижды видел и слышал отца уже после его гибели — в записях ворона, во фрагментах внутри механизма и в собственных воспоминаниях. Но письма, которые были адресованы для меня, всегда вызвали ворох совершенно иных эмоций...

Сангрия, словно понимая, что я это все могу сейчас слышать, решила зачитать письмо вслух. В голосе ее слышалась осторожность, с которой человек берет в руки хрупкий предмет.

«Сынок,

Если ты когда-нибудь доберешься до этого письма, значит, либо я уже слишком стар, либо слишком мертв, чтобы объяснять тебе все лично. Тебе, вероятно, уже надоели мои наставления, но сам факт существования этих строк — признание того, что я сам не знаю, правильно ли все делаю. Мы с Андре зашли дальше, чем следовало, в попытках понять необъяснимое. Мы проверили, что эхо человеческих жестов, голоса и привычек можно записать в сложный механизм, убедились, что это эхо может затем долго существовать, даже когда тела уже нет. Нам стало понятно, что граница между эхом и душой намного тоньше, чем того хотелось бы.

Орден и их «коллеги», разумеется, не интересуются нашими сомнениями, им важны только результаты. Они хотели, чтобы мы строили машины, в которых душа станет деталью. Мы сказали им «нет», и, возможно, уже заплатили за это».

Здесь перо снова задержалось. Я почти видел, как отец отбрасывает чернильницу, проходит по кабинету, возвращается и снова садится.

«Но если технологии бывают опасны, то только потому, что они находятся не в тех руках. Я верю, что наши разработки важны, и могут когда-нибудь пригодиться. Не знаю, сынок, будет ли у тебя причина рисковать подобным образом. Может быть, тебе потребуется вернуть в этот мир кого-то, без кого он не должен оставаться. Может, тебе придется самому вернуться, чтобы завершить начатое. Если решишь воспользоваться обратным вектором, знай, нельзя тянуть целую душу из Перехода, это разрушит и ее, и Узел, и все вокруг. Можно попытаться вывести часть эха, ту часть, которая уже привязана к Узлу. Это потребует согласия тех, кто следит за Потокom. Мы видим только одну сторону, они — другую».

И дальше, чуть более темными чернилами:

«Я не успел спросить их, возможно потому, что боялся идти на такое взаимодействие и боялся их ответа. Если же когда-нибудь ты найдешь способ взаимодействия с Балансом, помни: каждая сделка имеет цену. И никто, кроме тебя и того, кого ты вернешь, не должен эту цену платить. Не заставляй невинных людей платить за твое любопытство или твои чувства. Слишком часто я видел, как люди прячут свою жадность и трусость за красивыми словами о жертве. Я уверен, что ты пойдешь иным путем. Иначе бы ты не носил фамилию Рейвенкрофт.

Подпись: Твой любящий отец, Альберт Р.»

Сангрия дочитала и замолчала, в архиве стало очень тихо.

— Отец Колдри... — начала она, но потом осеклась, опуская глаза на бумажные листы. Девушка перелистнула еще пару листов. Там были технические выкладки: расчеты мощности, формулы, какие-то пометки про «дополнительный клапан в канале между Узлом и сосудом». Часть этих документов я ранее видел, судя по всему. На одном была даже моя подпись на полях. Мой почерк был менее уверенный, чем отцовский, но более размашистый: «Это безумие, отец! Я не хочу в этом всем участвовать». Вот только я вообще не помнил, когда это было. Видимо, была какая-то ночь, когда отец решил частично продемонстрировать мне свои идеи, а я лишь оставил небрежную заметку, даже не вдаваясь в подробности, лишь бы он от меня отстал. В юности я был из той породы людей, которые сначала кричат «безумие», а потом все равно делают. Сейчас я явно ощущал, как история делает круг.

— Он оставил не только предупреждение, но и... разрешение, — наконец, довершила свою мысль Сангрия, на что Мортье задумчиво хмыкнул.

— Скорее, очередную головную боль. Но не могу не заметить, предупреждение он оформил красиво.

— И все-таки, мсье Альберт не закопал свои тайны на дне моря и не сжег, а лишь надежно спрятал. Знал, что когда-нибудь это может пригодиться, — снова взяв в руки письмо моего отца, Сангрия процитировала одну из фраз: — «Не заставляй невинных людей платить за твое любопытство или твои чувства»... вот только он не учел, что эти «невинные люди» иногда могут сами приходить и подталкивать к краю.

— Вы сейчас о себе, мадемуазель? — задумчиво спросил Мортье, но девушка лишь покачала головой и ничего не ответила. Сангрия какое-то время сидела молча, сжимая тубус так крепко, словно боялась, что он ускользнет и снова затеряется на десятилетия. Собрав бумаги, она аккуратно свернула их обратно в тубус, но не убрала его обратно на полку.

— Мне неуютно здесь находиться, слишком много призраков прошлого, — поднимаясь с сундука, сказала Сангрия. — В подвале хотя бы он один...

«Пока еще» — подумалось мне, и хорошо, что у меня не было сейчас возможности говорить вслух: шутки про конкуренцию среди призраков сейчас были бы неуместны. В подвале действительно было спокойнее, да и мне привычнее было находиться непосредственно возле сердцевины. У выхода из архива Сангрия споткнулась о наполовину выступающую из-под стеллажа коробку, ее лампа опасно покачнулась.

— Осторожно! — я успел задуть пламя, чтобы оно не лизнуло сухие края папок. Еще не хватало нам сжечь архив.

— Мадемуазель, будьте аккуратнее, пожар в поместье явно не входит в наши планы, — произнес наблюдавший за этим всем Мортье. — Как минимум, дворецкому такое придется не по душе.

— Ох, это уж точно, — посмотрев на потухшую лампу, выдохнула Сангрия. — Я не переживу его очередной лекции и этих всех сравнительных оборотов. Знаете ли, мсье Огюст считает меня прямым продолжением Колдри в лучшем и худшем смысле.

— Ну, в лучшем весьма спорно. А в худшем, так это наверняка, — еще раз покосившись на «место преступления», сказал я. Но отчасти мне было лестно знать, что кто-то узнает в Сангрии меня самого. Впрочем, сходство наших характеров, особенно, их не самых лучших и завидных черт, не были заметны лишь слепому.

Когда Сангрия вернулась в подвал, она положила тубус рядом с сердцевиной, словно знакомя механизм с новым набором инструкций.

— Вот, ваш отец любезно оставил нам руководство по эксплуатации, — с легкой улыбкой произнесла она, после чего вздохнула, добавив: — Жаль, что не приложил гарантийный талон.

— Гарантий в таких делах не бывает, — спокойно заметил Мортье, вновь появившись позади девушки. — Только расчеты вероятностей и уверенность в том, что вы готовы принять любую из них.

— Раз Колдри готов, то и я готова.

Ага, меня уже и не спрашивают. Или я упустил момент, когда сказал «Конечно, да, я весь в предвкушении!». Впрочем, даже если бы я мог, сейчас бы именно так и ответил, чтобы не утяжелять ее и без того переполненную голову. Сердцевина, словно понимая, что ей предстоит очередное безудержное приключение, тихо дрогнула. Свет внутри стал несколько глубже. Такое ощущение, что где-то в глубине Перехода, Старший Жнец делал пометку: «Опять Рейвенкрофт. Опять эксперименты с границами наших миров! С меня довольно, я ухожу на пенсию». Если бы моему отцу кто-то рассказал, чем в итоге закончится его «незавершенный проект», он наверняка попытался бы его сжечь. Но зная его, я почти уверен: в последний момент отец бы передумал, и все же оставил тубус на полке. Так, на всякий случай. Иногда мне кажется, что все зло этого мира делается именно «на всякий случай».

— Интересно, что бы подумал мсье Альберт, узнав, какой путь прошел его сын, чтобы дойти до его идей с пониманием, — сложив руки на груди и поглядывая в сторону тубуса с записями, произнес Мортье.

— Вероятно, уже вскипятил бы целый чайник негодования, — заметил я. На мгновение я задумался о том, что всегда считал — после смерти, на границе между мирами, наши усопшие родственники встречаются нас. Я до сих пор не могу сказать определенно, рад я или нет, что своих отца и мать я в Переходе не увидел. Отец-то наверняка мне бы такого подзатыльника отвесил, что летел бы я через весь Поток... Они прожили хорошую и честную жизнь, смысла оставаться им между мирами не было. Наверняка уже выбрали себе новое воплощение, и живут себе припеваючи, даже не вспоминая о том, что когда-то были родителями у такой взбалмошной души, которая свой покой обретет еще явно не скоро.

— Вы просто копия своего отца, Колдри, — зачем-то решил подкинуть дров в мое лирическое настроение Мортье, но я никак на этот вброс не отреагировал. Вслух, конечно. Иногда признание очевидного ранит больше, чем обвинения.

Сангрия тем временем достала из тубуса какие-то чертежи, связанные с тем самым «обратным вектором», и разложила их на столе. Лампа осветила тонкие линии, стрелки и пометки. Девушка провела пальцем по стрелкам.

— Если я правильно понимаю, сердцевина записывает «эхо» во время жизни. Жесты, голос, привычки... В случае Колдри, еще и часть сущности. То есть, Стража. Мсье Рейвенк-

рофт пишет, что можно попробовать вывести часть этого эха обратно, — девушка постучала по силуэтам на чертеже. — Но только через устойчивый Узел. Без него все развалится. Узел — это сам Колдри, сердцевинный механизм, и отчасти само поместье. Если я правильно понимаю, что подразумевал под этим понятием сам мсье Альберт.

Дом, как будто в знак согласия, тихо проскрипел балкой где-то в глубине. Не угрожающе, скорей, как старик, поправляющий одеяло. Мортье подошел ближе к столу, глядя на чертеж.

— Хм, интересно. Отец мсье Колдри всегда знал больше, чем говорил. Он понял, что душа — это не монолит, а набор слоев и связей.

Жнец провел пальцем по одной из строчек: *«Не весь объем! Только эхо (паттерн), не полноценный переход»*. А меня просто перекошило, когда я в очередной раз увидел слово «паттерн». Сколько же раз я слышал его в детстве, и в какой-то момент начал буквально ненавидеть! «Ты повторяешь один и тот же паттерн поведения, Колдри» — говорил мне отец. Вполне возможно, что уже тогда он думал об архитектуре души. Но это лишь мои догадки, конечно.

— Для нас, — продолжил Мортье, — душа выглядит как... сложный узор. Всплохи света, тени, куски памяти, привязанности и страхов. Ваш сердцевинный механизм научился «снимать оттиск» части этого узора. Мсье Колдри отдал туда большую долю человеческой части, оставив демоническую как опорную структуру. И теперь мы хотим сделать обратное: взять часть Стража, который уже связан с Узлом, и направить ее... не подскажите, куда, мадемуазель?

— В сосуд. То есть тело, — руки Сангрии задрожали. — Живое.

— Живое, — эхом отозвался Жнец, — или то, что способно имитировать жизнь настолько достоверно, чтобы Поток не отторг это как чужеродный предмет?

Сангрия снова опустила взгляд на бумаги, ее брови сошлись на переносице.

— Здесь есть отдельный лист, — сказала девушка, вчитываясь в мелкий убористый почерк отца. — «Создание искусственной матрицы. Каркас из облегченных сплавов не способен удержать эфирное давление, потребуется интеграция органических проводников. Необходимо встроить в сосуд био-амортизаторы, чтобы предотвратить сбой механики при эмоциональных пиках...»

Био-амортизаторы? Это он о чем вообще? Мне что, матрасы из гусиного пуха в суставы запахают, чтобы я при ходьбе не скрипел?

— Я понимаю лишь слова по отдельности, — устало выдохнула Сангрия, потирая виски, — но вместе они складываются в какую-то тарабарщину. «Синхронизация нервных волокон с пневматическими клапанами»... «гальваническая жидкость вместо смазки»... Мсье Альберт был гением механики, но здесь он полез в анатомию. Чтобы собрать это все, нам нужен кто-то, кто понимает, как работает человеческое тело.

— Найти хирурга, который согласится сшивать плоть с шестеренками, не задавая лишних вопросов — задача со звездочкой, должен сказать вам, — философски заметил Мортье. Именно в этот момент, словно сама судьба решила вмешаться в подвальный мозговой штурм, на лестнице послышались торопливые шаркающие шаги. В подвал, нервно озираясь по сторонам, спустился Пьер. Он терпеть не мог это место, особенно после визита королевского комиссара, и всегда старался держаться поближе к двери.

— Мадемуазель Лоран, — выпалил Пьер, теребя пуговицу на жилете. — Там в мастерскую прибыл доктор Леру. Требуется вас. Мсье Баптист уже готов запустить в него гаечным ключом, потому что доктор снова жалуется, что его заказ... цитирую: «не обладает должной гибкостью в фалангах»!

Сангрия моргнула, переваривая услышанное. А затем в ее глазах вспыхнул тот самый безумный огонек, который обычно предшествовал моим самым большим прижизненным проблемам.

— Доктор Леру, — медленно, с расстановкой произнесла она, глядя на чертежи. — Ну конечно!

О, я навел справки об этом потрошителе-энтузиасте, спасибо Потоку. Доктор Гастон Леру был личностью в Лионе небезызвестной, с недавних пор. Долговязый, нескладный, с вечно всклокоченными редкими волосами и щеточкой нелепых усиков над верхней губой. Но главной его чертой были круглые очки в толстой металлической оправе, из-за которых его глаза казались неестественно огромными. Он разговаривал исключительно звонким, почти театральным тенором, при этом размахивая длинными руками так активно, что находиться с такой ветряной мельницей рядом было попросту травмоопасно. Врач, хирург, и по совместительству — сумасшедший исследователь, который спускал все свое состояние на заказы в нашей мастерской. В этот раз он заказал у Баптиста «ассистента для деликатных вскрытий» — многосуставчатую механическую клешню, которая должна была удерживать хирургические расширители во время операций. Когда Сангрия поднялась в мастерскую (Мортье благоразумно остался в подвале, сославшись на то, что «эту часть спектакля он предпочтет наблюдать издалека»), Леру как раз активно жестикулировал перед багровым Баптистом.

— Мсье Ардуан, дорогой мой, вы мастер с золотыми руками! — звенел доктор Леру, размахивая механической клешней прямо перед носом старого механика. — Но поймите же, человеческая плоть не терпит таких жестких углов. Здесь нужен шарнир, имитирующий лучезапястный сустав, иначе мой металлический ассистент просто порвет пациенту селезенку!

— Если ваш пациент дожил до того, что вы лезете к нему в селезенку подобными железяками, то отсутствие шарнира на них — его наименьшая проблема! — рявкнул Баптист.

— Доктор Леру, — мягко, но уверенно вмешалась Сангрия, выступая вперед. — Рада вас видеть.

Доктор тут же развернулся на каблуках, едва не сбив со стола кувшин с водой своими локтями.

— Мадемуазель Лоран! Прелестная, как и всегда, — он отвесил ей преувеличенно галантный поклон. — Представляете, ваш мастер отказывается понимать тонкости человеческой физиологии.

— Возможно, потому что мы тут специалисты по металлу, — ответила девушка, подходя ближе. — Но, знаете, доктор... у меня есть к вам один вопрос. Сугубо теоретического характера.

Баптист, почувствовав неладное, прищурился.

— Мадемуазель, — с нажимом произнес старик. — Не стоит забивать голову уважаемого доктора нашими... внутренними проблемами.

— О, напротив, напротив! — Леру поправил съехавшие на нос очки, его глаза за стеклами загорелись неподдельным интересом. — Я обожаю теоретические вопросы! Особенно те, от которых мсье Ардуан так очаровательно бледнеет. Спрашивайте.

Сангрия выдержала секундную паузу.

— Если бы вам предложили взглянуть на чертежи, объединяющие сложнейшую часовую механику с кровеносной и нервной системами человека... Вы бы смогли сказать, насколько вообще жизнеспособно это?

Леру замер. Его руки, до этого постоянно находившиеся в движении, повисли вдоль туловища, как у тряпичной куклы.

— Совмещение плоти и металла? — голос доктора внезапно потерял всю свою звонкость, став тихим и почти благоговейным. — Синтез гальванизма и шестеренок? Мадемуазель Лоран... это...

— Вы сошли с ума! — взорвался Баптист, делая шаг к девушке. — Мадемуазель, вы не можете пустить его туда, это наследие мсье Рейвенкрофта!

— Мсье, вы сами сказали, что нам нужен «носитель алхимических знаний», — твердо отрезала Сангрия, глядя старику прямо в глаза. — Если мы хотим сделать все грамотно, нам придется довериться тому, кто не упадет в обморок от обилия терминов на бумаге. Доктор, прошу за мной.

Я скользнул следом за этой процессией. Леру спускался по каменной лестнице так, словно его вели в самую сокровищницу мироздания. Когда Сангрия открыла дверь и свет упал на сердцевинный механизм и разложенные на столе старые бумаги, доктор издал звук, похожий на всхлип. Он не обратил внимания ни на пыль, ни на гнетущую атмосферу подвала, Леру буквально подлетел к столу, схватил первый попавшийся чертеж и впился в него взглядом. Сангрия стояла рядом, скрестив руки на груди, а Баптист маячил в дверях, выглядя так, будто он был готов в любой момент запереть всех здесь, поджечь поместье и сбежать в другую страну с поддельными документами.

— Невероятно... — шептал Леру, быстро перебирая листы. Его тонкие пальцы то и дело порхали над схемами. — Поразительно! Ваш бывший хозяин был абсолютным безумцем, мадемуазель. Это гениально!

— Вы понимаете, что там написано? — с надеждой спросила Сангрия.

— Ну разумеется! — доктор резко обернулся, его глаза сияли. — Автор сего проекта столкнулся с проблемой отторжения. Если поместить нематериальную матрицу, ну, скажем, сгусток энергии в металлический корпус, она сойдет с ума. Металл не пластичен, он не проводит эфир должным образом.

Доктор схватил карандаш и начал возбужденно чертить прямо поверх отцовских набросков. Я едва удержался, чтобы не скинуть ему на голову чернильницу с полки за такой акт вандализма.

— Чтобы матрица приняла энергию, нужна адаптивная среда! — Леру энергично застукал грифелем по бумаге. — Вот эти «био-амортизаторы», это резервуары с синтетической жидкостью, заменяющей кровь. Амортизация здесь — это гашение эмоциональных всплесков. Когда сущность испытывает гнев или радость, чистая механика просто разорвет шарниры от перепада давления. Нужны искусственные мышцы, способные сокращаться. Требуется система искусственных нервов из тончайшей медной проволоки, покрытой специальным биологическим составом, чтобы проводить импульсы от некоего кристалла к конечностям.

Леру снял очки, протер их дрожащими руками и снова водрузил на нос.

— Ваш мсье Рейвенкрофт подошел к самому краю пропасти, — с придыханием сказал он. — Но он был только инженером и не знал, как создать эти биологические узлы. А я... О, мадемуазель Лоран! Я годами изучал труды Луиджи Гальвани, препарировал ткани, пытаюсь заставить их реагировать на эфирные токи.

Доктор посмотрел на Сангрию, в его нелепом лице сейчас было столько неподдельной серьезности, что даже мне стало не по себе.

— Если вы дадите мне доступ к этим чертежам и вашим мастерским... — голос доктора Леру упал до хриплого шепота. — Клянусь, я соберу для вас этот сосуд. Я создам «искусственную матрицу»! Ставлю на кон свою врачебную лицензию, это будет венец творения!

— И вы даже не спросите, для кого именно мы собираемся строить это тело? — тихо уточнила Сангрия.

Леру рассмеялся — коротко, нервно и абсолютно счастливо.

— Мадемуазель, когда перед ученым открывается возможность переписать законы физиологии, имя пациента — это последнее, что его интересует.

«Отлично, — мрачно подумал я, наблюдая, как Сангрия обменивается с доктором решительными кивками. — Меня собирается воскрешать человек, которому абсолютно плевать, кто я такой, лишь бы мои био-амортизаторы не протекли на дорогой ковер».

— И все же, доктор, думаю, что имя пациента вас весьма заинтересует, — голос девушки прозвучал ровно, но я уловил в нем легкую напряженность. Она сделала шаг, загораживая собой стол с чертежами, словно призывая Леру вернуться с небес научных открытий на сырой подвальный камень. — Потому что мы собираемся вернуть в этот мир Колдри Рейвенкрофта.

Доктор Леру замер с поднятым карандашом. Его театральная улыбка медленно сползла с лица, сменившись выражением глубочайшего недоумения. Он поправил очки, словно надеясь, что проблема в диоптриях, а не в его слухе.

— Мсье Колдри? — переспросил он, звонкий тенор доктора дал легкого петуха. — Того самого наследника? Но, мадемуазель Лоран, при всем моем уважении к гальванизму... я врач, я видел полицейские отчеты в прессе. Там была пуля в висок, вышибленная теменная кость и необратимые повреждения коры головного мозга! Я, конечно, могу собрать великолепный протез, но воскрешать куски плоти, которые уже три года кормят червей на семейном кладбище — это к некромантам, а не ко мне.

Спасибо за подробности из полицейского отчета, доктор. А то я как раз начал забывать, как не эстетично выглядел мой уход.

— Так нам и не нужно старое тело, — Сангрия даже не моргнула, выдержав эту анатомическую тираду. — Нужно... новое. То самое, чертежи которого вы сейчас держите в руках. Сосуд, который сможет принять и удержать его душу.

Леру захлопал глазами, переводя взгляд с девушки на старого механика, который уже едва ли не крестился в дверях.

— Вы, должно быть, шутите, — пробормотал он. — Душу? Мадемуазель, наука допускает существование эфирного поля, но поймать разум умершего человека... это спиритизм для бульварных салонов. Души ведь, они рассеиваются после смерти...

— Только не в том случае, если их перехватывает сердцевинный механизм, — Сангрия отступила в сторону, указывая рукой на массивную установку. — Мсье Рейвенкрофт не просто умер. Часть его сущности привязана к этому кристаллу. Он стал Стражем этого Узла, удерживая границу между миром живых и Потокот мертвых. И сейчас он нас прекрасно слышит, просто ответить не может.

Чтобы не быть голословным и подтвердить слова моего личного адвоката по потусторонним делам, я сосредоточился. Это было несложно, просто легкий толчок энергии. Кристалл в сердцевине, до этого мерцавший тусклым матовым светом, вдруг вспыхнул насыщенным теплым сиянием, пульсируя в ритме спокойного человеческого сердца.

Доктор Леру выронил карандаш, тот со стуком покатился по каменному полу, но врач этого даже не заметил. Он медленно, словно под гипнозом, подошел к механизму, снял очки и уставился в глубину стекла.

— Боже мой... — выдохнул он. Его руки мелко задрожали, но не от страха, а от неконтролируемого научного экстаза. — Эфирная матрица сохранила сознание. Без распада, без гниения, в чистом виде! Это... да это же переворот во всей медицине. Во всей философии!

Теперь я не просто мертвец с обязательствами, а эксклюзивный клинический случай. Надеюсь он сейчас не начнет брать у сердцевины анализы.

— Доктор, возьмите себя в руки, — мрачно вмешался Баптист, поднимая с пола карандаш. — Нам нужны не перевороты в философии, а работающий корпус. Желательно такой, который не взорвется, если мсье Колдри попытается в нем чихнуть.

Леру резко развернулся, его глаза горели фанатичным огнем, который мог бы поспорить с безумием братьев из Ордена Святого Молота. Но, в отличие от них, этот фанатизм был замешан не на религии, а на чистой науке.

— Вы не понимаете, мсье Ардуан! — всплеснул руками Леру. — Если мы сможем перенести эту квинтэссенцию жизни в искусственную нервную систему, мы ведь практически создадим совершенного человека!

— Да нам и даром не сдался никакой совершенный человек, — холодно прервала его восторги Сангрия. Ее голос прозвучал как щелчок хлыста, заставив доктора замолчать. — Мне нужен Колдри Рейвенкрофт. Временное тело, которое позволит ему просуществовать в физическом мире ровно год, чтобы мы могли отправиться в Париж и остановить тех, кто использует технологии его отца для массовых убийств. И да, чтобы вы понимали всю серьезность нашего положения: этот перенос официально согласован со Смертью.

Если бы у Леру была искусственная челюсть, она бы сейчас точно отвалилась. Мне уже хотелось остановить Сангрию каким-то образом, не то моя милейшая доведет этого докторишку до сердечного приступа своей прямоотой.

— С кем, простите? — севшим голосом переспросил врач.

— С Советом Жнецов, — абсолютно буднично, словно речь шла о налоговой инспекции, пояснила девушка. — У нас есть контракт. Мы вытаскиваем Колдри из Потока на один год, он помогает устранить аномалию, а затем возвращается обратно на свой пост Стража. Никакого бессмертия и игр в Бога. Если Жнецы обнаружат, что вы решили использовать этот проект для своих личных экспериментов — за вами придут, мсье. И поверьте, королевский суд покажется вам детской сказкой по сравнению с их методами.

Она блефовала. Ну, как минимум, сильно сгущала краски — Мортье вряд ли стал бы гоняться с кочергой за полоумным доктором из-за нарушения авторских прав. Но на Леру это произвело неизгладимое впечатление. Он сглотнул, судорожно кивнул и снова водрузил очки на нос.

— Работа с благословения самой Смерти... Кому нужны гранты Академии наук, когда у тебя такие покровители? Мадемуазель Лоран, мсье Ардуан... и, конечно, многоуважаемый мсье Рейвенкрофт! — он церемонно поклонился в сторону светящегося кристалла. — Я в деле. Но предстоит сложнейшая работа! Мне понадобятся материалы, сейчас перечислю навскидку: каучук, соли серебра, животные экстракты для...

— Составьте список, — оборвав его на полуслове, кивнула Сангрия, заметно расслабившись. Главный шаг был сделан. — Мастерская покроет расходы.

— И главное, нам потребуется абсолютная секретность, — добавил Баптист, хмуро глядя на чертежи. — Перенесем наши обсуждения в закрытый зал для встреч. Пока сойдемся на том, что я буду отвечать за механический каркас и приводы, вы, доктор — за всю эту вашу биологическую начинку.

Леру потер руки, мысленно погружаясь в процесс.

— Мы создадим тело, неотличимое от человеческого! Ну, разве что оно будет чуть тяжелее из-за каркаса. И ему придется периодически употреблять особую суспензию для поддержания гальванического баланса...

Суспензию? Ха-ха, ну да, а на что я рассчитывал. Прощай, кофе по-креольски. Да здравствует машинное масло с лимонным сиропом! Сангрия посмотрела на светящийся кристалл, и я почувствовал, как ее взгляд проникает сквозь стекло, прямо к остаткам моего сознания. В ее глазах была упрямая решимость, за которую я был готов отдать Жнецам не только душу, но и все оставшиеся у меня посмертные привилегии.

— Значит, договорились, — сказала Сангрия, в тишине подвала ее слова прозвучали как запуск огромного и невероятно опасного механизма. — Возвращаем Стража домой.

Глава пятая

В которой формируется комитет по совершению невозможного, и каждый вносит в него свой вклад шестеренками, скепсисом и гарантийными обязанностями

В жизни любой приличной аномалии наступает момент, когда к ней приходится относиться серьезно. Пока безумная идея существует только в виде пары фраз, брошенных наспех, ее еще можно списать на усталость, перепад давления или излишнее увлечение философией. Но как только появляются люди, готовые тянуться за карандашами и вносить правки в самые нереалистичные идеи, складывать на стол инструменты и использовать слова «сосуд», «мост» и «узел» не по их прямому назначению — вот тогда все становится по-настоящему. У нас этот момент наступил уже на следующий день.

Собрание объявили после обеда. Предложение собраться в зале для встреч, благо, получило не все население вороньего поместья. Лишь его наиболее испорченная часть, включающая Сангрию, Баптиста, временно прописавшегося здесь доктора Леру, ну а в качестве нематериальных элементов декора выступали я и Мортье. Когда-то этот зал служил гостиной для неприятельных визитов, сейчас он был больше похож на штаб. На столе, заваленном бумагами, лежал набор инструментов, фонарь, несколько закрытых ящиков с маркировкой «хрупкие стекла», а на полу стояла весьма подозрительная бадья, которую повар напрочь отказался держать на кухне.

— Если вы собрались что-то в этом... варить, — сказал Патрик, прислонившись к шкафчику и глядя с подозрительным прищуром, когда ее выносили, — я хочу, чтобы это было подальше от моих супов.

Леру ворчливо прокомментировал, что супы от этого, возможно, только выиграли бы, но спорить не стал. Сангрия вошла в зал для встреч с папкой под мышкой, у стола уже сидел Баптист, поправляя очки на носу. Он, разумеется, постоянно божился, что «видит все и так», но в последние годы все чаще шурился. Леру расположился в кресле, чуть поодаль, с видом человека, которого вытащили из вполне понятного ему мира кровопусканий и переломов в область сомнительных алхимических опытов. Но его это, конечно, лишь радовало.

— Итак, — объявила Сангрия, выкладывая на стол чертежи отца. — Мы все знаем, зачем здесь собрались. Так как мы собираемся сделать то, чего никто из нас не делал, и, строго говоря, не имеет права делать.

— Это вы удачно начали, — пробормотал доктор, складывая пальцы домиком. — Приятно иногда услышать честное вступление перед тем, как подписать себе столь уникальный приговор!

Баптист хмыкнул, но промолчал. Он был занят тем, что выкладывал на стол какие-то свои схемы. Девушка тяжело вздохнула.

— Если кто-то сейчас хочет выйти из комнаты и никогда больше к этой теме не возвращаться — это будет более честно, чем сказать «да» и потом отступить по ходу дела.

Леру склонил голову набок.

— Мадемуазель Лоран освоила врачебный язык? «Или подписывай сразу, или уходи». Что ж, я, как человек, который уже не один десяток лет стягивает плоть там, где ее рвут железо, пули и человеческая глупость, привык думать, что смерть должна быть окончательной и бесповоротной. Но я также привык думать, что нельзя оставлять нарывы гнить. То, что, по вашим рассказам, происходит в Париже — это нарыв. Поэтому я однозначно остаюсь.

— А я старый дурень, — тихо пробубнил Баптист, и мне сначала показалось, что это уже оформленная мысль, но механик поднял голову и продолжил: — но, все же, дурень последовательный. Я был с Рейвенкрофтами с самого начала, еще когда мсье Альберт только кру-

тил первые шестеренки в небольшой мастерской, на месте которой разросся завод. Я был там, когда завод горел. Присутствовал при вынесении решения в пользу дома Рейвенкрофтов. И не раз помогал хозяину этого поместья и его окружению совершать правильную глупость. Если для очередной глупости нужны мои руки, то они у вас есть.

— Какая разношерстная команда у вас собралась, Колдри, — наблюдая за этим всем из тени, и не являясь живым в своем привычном облике, усмехнулся Мортье. — Хоть бери и сейчас пиши сценарий для пьесы «Как управляющая поместьем, механик и врач законы реальности ломали». Для театра абсурда самое то.

— Название слишком длинное, — хмыкнул в ответ я. — И портит эффект неожиданности.

— Прежде чем мы перейдем к техническим вопросам, нам нужно обсудить некоторые правила, — произнесла Сангрия и развернула один из листов, подписав сверху: «Условия».

— Вы хотите составить регламент? — приподнял бровь Леру. — В деле, где мы уже нарушаем все, что только можно нарушить?

— Именно поэтому. Когда вокруг грязь по горло, хотя бы головной убор должен оставаться в порядке.

Я не устану восхищаться тем, как Сангрия раз за разом превращает абсолютный хаос вокруг нее в строгое расписание.

— Во-первых, — продолжила она, — мы не трогаем чужие души. Никаких «а давайте сначала потренируемся на чьем-нибудь другом эхо». Мы готовим сосуд исключительно для Колдри. Во-вторых, мы должны внимательно наблюдать за сосудом на каждом этапе, скажем так, «строительства». Если мы увидим хотя бы малейшие признаки того, что в теле происходит что-то, чего не должно быть...

— Тогда я лично останавливаю этот опыт, — оживленно закивал Леру. — Я не позволю превратить живого человека, пусть даже вторично живого, в игрушку этого вашего Потока.

— Какие именно аномалии мы должны отслеживать? — уточнил Баптист. — Неестественные вспышки силы? Отсутствие реакции на боль? Просьбы подписать очередной банковский договор?

— Все перечисленное, — делая какие-то заметки на бумаге, ответила Сангрия. — И что-то еще, чего мы пока не знаем, но определенно почувствуем неладное, когда увидим.

— Поверьте, мадемуазель, после двух пережитых революций я умею отличать человеческую агонию от чужеродного вмешательства, — с уверенностью добавил доктор, на что девушка согласно кивнула, продолжив:

— В-третьих, наши разработки не должны попасть в руки никаким третьим лицам, даже частично. Ни Ордену, ни короне, ни частным «энтузиастам».

Вот за это спасибо. А то я уже начал было переживать, что по Лиону впоследствии разойдется серия «Колдри Рейвенкрофт в каждый дом!»

— В-четвертых, — Сангрия на секунду замялась, — мы... не оставляем за собой право отменить договор в процессе. Если уж и начнем, то не будем в последний момент говорить: «Нет, слишком страшно, давайте прикроем эту лавку и забудем об этом!» Мы доведем дело до конца. За исключением нюансов из второго пункта...

— Я даже немного бы дополнил, с вашего позволения.

Доктор Леру подошел к столу, взял карандаш, и вскоре под перечнем условий Сангрии появилось еще несколько предложений его угловатым почерком:

Ответственность: все участники признают, что каждый из них несет часть вины за последствия. В будущем никто не говорит «да я только лампу держал».

— Это лишнее, — угрюмо пробормотал Баптист, заглянув в список.

— Нет, это необходимость! — парировал Леру. — Слишком уж часто я видел, как в историях о катастрофах остается один «виновник», а остальные называют себя свидетелями.

Доктор вежливо улыбнулся, посмотрев на Сангрию.

— Вы не будете одна, мадемуазель. Ни в чем.

Когда с условиями худо-бедно определились, начались вопросы менее возвышенного, но более пугающего характера.

— Для работы нам потребуется место, — сказал Леру, обратно проваливаясь в кресло. — Не слишком сырое и не слишком сухое, достаточно изолированное, чтобы туда не совались любопытные, и достаточно доступное, чтобы... ну, если что-то пойдет не так, мы могли быстро все прекратить.

— Завод, — предложил Баптист, пожав плечами. — Если точнее, лабораторный корпус. Мы его частично законсервировали, но у нас там и вода есть, и места предостаточно, да и сотрудники привыкли, что по лаборатории таскают туда-сюда странные конструкции, с поставкой материалов проблем не будет. Ну и ко взрываю, увы, многие тоже там привыкшие. То есть, если у нас в процессе что-то гроыхнет, никто особо не удивится. Спишем на то, что «опытная машина не выдержала нагрузки».

— Согласна, в поместье уж слишком много лишних глаз, — ответила Сангрия, задумчиво рисуя что-то на краю бумаги. — Я уже молчу про глаза тех, кто любит заглядывать в чужие окна. Завод пока им менее интересен, он уже перешел под управление короны. Де Бресс сможет обеспечить нам юридический покров. Официально это будет «ремонт и модернизация части оборудования», а неофициально... что ж, придется ему рассказать о наших планах. Учитывая, что комиссар и так уже варится вместе с нами в одном котле, раз влез во всю эту историю с сердцевинными механизмами.

Баптисту и доктору Леру оставалось лишь молча согласиться со всем. Следующие дни прошли в странном режиме «двойной жизни». С одной стороны, в мастерской все было по-прежнему: гора заказов, сломанные зубчатые колеса, разговоры с клиентами, прерывающиеся нытьем с кухни, связанным с ценами на мясо. Сангрия писала вежливые отказы на «неподходящие» предложения из мэрии, раздавала указания, ругалась на неуместную экономию и хвалила за точную работу. С другой стороны, между делом она с Баптистом и Леру составляла списки. Вполне земные перечни: что потребуется для производства сосуда. Полного перечня я вам не предоставлю, но могу лишь сказать, что в списках этих чего только не было — от стекла определенной плотности до тканей, реагирующих на Поток и составных элементов для эликсиров для поддержания живого тела. А дальше и вовсе шли термины, которые заставили бы любого уважающего себя священника перекреститься, а средневекового алхимика — схватиться за перо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.